

Исповѣдь мірянъ предъ старцами ¹⁾.

Служеніе міру древняго монашества. — Соверзательное — отшельническое монашество и его общественное служеніе.—Монашество практическое—общежительное и виды его благотворительности: страннопріимство, милостыня, нищепитаніе, уходъ за больными и проч.—*Исповѣдь мірянъ предъ старцами.* Она есть видъ духовной милостыни и стоитъ отчасти въ связи съ монастырской благотворительностью.—Примѣры исповѣди мірянъ предъ старцами.—Исповѣдь предъ ними клириковъ.—Значеніе такой исповѣди по мѣвнью Анастасія Синаита.—Старческое паствырство среди мірянъ.—Старцы—духовные отцы мірянъ.—Объясненіе описанныхъ явленій (монашество популярно харизматическими явленіями, привлекательныя черты монашеской исповѣди—опытность старцевъ, возвышенныя нравственныя воззрѣнія и требованія ихъ, тайна исповѣди, сравнительная легкость покаянія).

Старчество съ его огромнымъ значеніемъ въ жизни монашества и монастырская дисциплина покаянія вѣроятно и остались бы достояніемъ монастыря, нисколько не отразившись на укладѣ и строѣ мірской церкви, если бы монашество вообще не имѣло сильнаго вліянія на жизнь церкви.—на христіанскую мораль и церковную дисциплину. На самомъ дѣлѣ древній монастырь былъ связанъ тысячами нитей съ христіанскимъ міромъ. И міряне шли въ монастыри и *древнее монашество усердно служило міру.*

Можно долго спорить по вопросу объ общественномъ служеніи монашества, если взять этотъ вопросъ съ принципіальной стороны и рѣшать: обязано ли монашество служить міру

¹⁾ Настоящій очеркъ представляетъ продолженіе ранѣйшихъ: „Духовный отецъ или старецъ въ древнихъ восточныхъ монастыряхъ“ (Б. В. 1904 г. ноябрь и декабрь) и „Исповѣдь и покаяніе въ древнихъ монастыряхъ Востока“ (Б. В. 1905 г. февраль, мартъ и апрѣль).

и, если обязано нести такое служеніе, то въ какихъ именно формахъ. Но безспорнымъ остается тотъ историческій фактъ, что вездѣ и всегда христіанское монашество служило христіанскому міру,—конечно въ различной степени и видахъ въ разныхъ странахъ, и въ разное время. Правда, всюду встрѣчаемъ мы и созерцателей подвижниковъ. Но, какъ увидимъ это ниже, и созерцатели—безмолвники до нѣкоторой степени служили міру, часто вопреки своимъ идеаламъ, увидимъ далѣе, что до конца проведенный созерцательный идеалъ приводилъ къ крайностямъ и вообще представляетъ большую рѣдкость. Итакъ монашество дѣлится на двѣ вѣтви—практическое и созерцательное и, на нашъ взглядъ, положеніе перваго гораздо болѣе устойчиво, потому что идеалъ его болѣе послѣдователенъ въ теоріи и практически легче осуществимъ.

Восточное монашество періода вселенскихъ соборовъ уже представляетъ тѣ двѣ главныя вѣтви, на которыя дѣлится христіанское монашество со стороны принципа служенія міру. Уже тогда мы встрѣчаемъ какъ убѣжденныхъ и послѣдовательныхъ созерцателей, строгихъ отшельниковъ, державшихся принципа: „бѣгай отъ людей и спасешься“, такъ равно и послѣдователей практическаго идеала, убѣжденныхъ слугъ своимъ мірскимъ братьямъ—христіанамъ, принципомъ которыхъ было: „служи Христу въ образѣ нищаго, страдающаго брата и спасешься“¹⁾.

Созерцательный идеалъ монашества несомнѣнно болѣе труденъ для своего выполненія, болѣе труденъ и физически и нравственно. Бѣжать отъ людей это не значитъ только отказаться отъ современнаго человѣческаго общества; кромѣ того это значитъ, что для мистическаго единенія съ Богомъ нужно порвать всякую связь съ человѣчествомъ, чтобы исключительно служить единому Богу, непосредственно любя Его всѣмъ сердцемъ, всею мыслию и всею крѣпостію. Чтобы это выполнить, надо прежде всего стать индивидуальнымъ подвижникомъ: пустынникомъ—отшельникомъ, или безмолвни-

¹⁾ Психологію двухъ идеаловъ монашества—созерцательнаго и практическаго удачно выясняетъ проф. И. В. Поповъ въ статьѣ своей „Мистич. оправд. аскетизма въ твореніяхъ Макарія Великаго“ (Б. В. іюль, 1905 г. 246—251; отд. отт. 69—74).

комъ—затворникомъ. Даже старческое руководство послушниками не совмѣщается съ послѣдовательно проведеннымъ созерцательнымъ идеаломъ и обычно строгій отшельникъ живетъ безъ учениковъ, или и вовсе не имѣетъ ихъ. Созерцательный идеалъ есть преимущественное достояніе монашескаго класса, который назывался анахоретами. Между анахоретомъ и исихастомъ связь генетическая, именно: болѣе поздніе исихасты—созерцатели выродились изъ древнѣйшихъ анахоретовъ—отшельниковъ. Но не всѣ конечно отшельники и безмолвники послѣдовательно и безъ малѣйшаго уклоненія проводили созерцательный идеалъ въ своей жизни. Не всѣ были похожи на Павла Фивейскаго, который, проживъ 60 лѣтъ въ пустынѣ, спрашивалъ посѣтившаго его Антонія Великаго: „какъ живетъ теперь родъ человѣческой: возвышаются ли въ старыхъ городахъ новыя крыши, какую властію управляется міръ и остался ли кто-нибудь увлеченный прелестію демоновъ (—въ язычествѣ)? или—на преп. Марію Египетскую, которая спрашивала пресвитера Зосиму: „скажи мнѣ, святой отецъ, въ какомъ состояніи находится христіанство? какъ управляется церковь Божія?“¹⁾ Трудно даже и пустыннику жить такъ, чтобы до него не долетали совершенно вѣсти изъ человѣческой жизни—мірской и церковной. Но для послѣдовательнаго отшельника, совершенно порвавшаго съ міромъ, мало и этого. Онъ долженъ отказаться отъ всѣхъ удобствъ человѣческаго общежитія—матеріальныхъ и духовныхъ,—созданныхъ и скопленныхъ предшествующими поколѣніями людей, потому что все это—достояніе человѣчества, съ которымъ у отшельника не должно быть ничего общаго. Строгій отшельникъ живетъ въ пещерѣ, питается только растеніями, пьетъ одну воду, не разводитъ огня и почти не трудится физически. Наиболѣе послѣдовательные созерцатели—монахи, отказывавшіеся отъ служенія ближнему и отрекшіеся отъ всего человѣческаго—воски, или пасущіеся, совершенно одичавшіе и потерявшіе все культурно-человѣческое. „Я еще не монахъ, но видѣлъ

¹⁾ *Бл. Геронима. Жизнь Павла Фивейскаго, р. п. II. 9. Превос. Филаретъ, Св. подвижницы вост. церкви, 147—148. Тотъ же вопросъ предлагаетъ посѣтителю епископъ, падшій въ гоненіе и пробывшій 39 лѣтъ въ пустынѣ. В. Минеи. Четивъ, ноябрь, 3 день, стб. 73 по изд. Археогр. Комиссіи.*

монаховъ“,—говорилъ такъ древній подвижникъ, который видѣлъ въ пустынѣ двухъ нагихъ людей, потерявшихъ способность рѣчи и убѣжавшихъ при его приближеніи.

Другая трудность строго созерцательнаго подвига въ томъ, что его трудно согласить съ Евангеліемъ и не съ однимъ только ученіемъ Христа о любви другъ къ другу и о служеніи ближнему, но, главное, съ примѣромъ жизни Спасителя. И ученіе и особенно жизнь Христа требуютъ отъ взявшихъ крестъ и идущихъ по Немъ не созерцательной, а служащей любви къ Богу, дѣятельнаго служенія ближнему, даже врагу и иновѣрцу. На страшномъ судѣ Христовомъ мы должны будемъ дать отчетъ, кормили ли голодныхъ, поили ли жаждующихъ, посѣщали ли больныхъ и заключенныхъ въ темницѣ,—служили ли Христу въ образѣ страждущаго брата. И не легко человѣку, поставившему свое спасеніе цѣлью всей жизни, убѣдить себя въ томъ, что онъ нисколько не нарушаетъ заповѣди Христовой о любви къ ближнему и къ Богу въ образѣ страдающаго брата, когда уходитъ отъ него въ пустыню и забываетъ міръ людской, въ которомъ не меньше горя, слезъ, неповинныхъ страданій и беспомощности, чѣмъ всякаго зла и соблазновъ. И такой вопросъ дѣйствительно тревожилъ древнихъ подвижниковъ. Одинъ инокъ спрашивалъ: „скажи мнѣ, господинъ авва, какимъ образомъ тотъ, которому нечего подавать, можетъ сдѣлаться участникомъ благословенія, обѣщаннаго Спасителемъ тѣмъ, которые будутъ одесную Его: *Придите благословеннѣи Отца Моего?*...¹⁾).

Лучшій отвѣтъ на этотъ трудный для созерцателей вопросъ данъ, намъ кажется, Исаакомъ Сиринимъ, великимъ подвижникомъ созерцателемъ. Св. Исаакъ признаетъ, что иноку—нестяжателю, который живетъ какъ птица, не поставлено въ обязанность подавать милостыню. Но далѣе разъясняетъ, что чтя безмолвіе (уединеніе, свободу отъ суеты, происходящей отъ обращенія съ людьми), иноки не должны исключать и милосердія; напротивъ должны быть внутренне милосерды ко всякому разумному существу и обязаны явно доказывать любовь свою, когда призываютъ къ этому самыя обстоятельства дѣла и нужда. Осуждая пустое, эгоистиче-

¹⁾ *Итохр.* 634, р. 311; р. п. 408.

ское и лицемѣрное безмолвіе, какъ жестокость и безчеловѣчіе, великій подвижникъ считаетъ невозможнымъ при этомъ условіи достигнуть той главной цѣли жизни, которую ставили себѣ христіанскіе созерцатели: „знаемъ, пишетъ онъ, что безъ любви къ ближнему умъ не можетъ просвѣщаться Божественною бесѣдою и любовію“¹⁾.

Несомнѣнно, такое пониманіе созерцательнаго монашескаго идеала и есть нормальное. Этимъ только путемъ и возможно согласить его съ Евангеліемъ. И вотъ побуждаемые внутреннимъ милосердіемъ даже представители чисто созерцательнаго идеала, монахи—отшельники шли на компромиссъ, болѣе или менѣе отступали отъ прямолинейнаго проведенія въ жизнь своего принципа и явнымъ образомъ проявляли дѣятельную любовь къ ближнему. Правда, они были свободны отъ обязанности подавать матеріальную милостыню, потому что и средствъ для этого не имѣли, но тѣмъ съ большей силой раздавали нуждающимся милостыню духовную въ разныхъ ея видахъ. Уже отецъ христіанскаго отшельничества Антоній Великій представляется въ его житіи, написанномъ св. Аванасіемъ,—общественнымъ дѣятелемъ опредѣленнаго вида. Отшельникъ вразумлялъ жестокосердныхъ людей, примирялъ тяжущихся, печаловался за обиженныхъ съ такою силой, какъ будто обиженнымъ былъ онъ самъ, а не другою кто-нибудь. Утѣшалъ печальныхъ и плачущихъ по умершимъ, успокаивалъ гнѣвающихся, нищихъ, ропшущихъ на свою судьбу, примирялъ съ ихъ горькой долей, помогать искушаемымъ. „Однимъ словомъ, какъ врачъ дарованъ онъ былъ Богомъ Египту“, замѣчаетъ жизнеописатель²⁾.

На примѣрѣ преп. Антонія видно, какъ могли служить и какъ дѣйствительно служили міру многіе изъ древнихъ созерцателей отшельниковъ. Что же сказать о древнемъ монашествѣ другого направленія? *Практическое монашество*, въ противоположность созерцательному—индивидуальному, прежде всего коллективно. Это монашество организованныхъ

¹⁾ Opera, edit. Lipsiae, 1770, pp. 443—444, 547—549; p. п. 62—64; 249—252. Болѣе подробный анализъ свидѣтельства Исаака Сирина см. въ нашей статьѣ: „Какъ служили міру подвижники древней Руси?“ *Бог. Вѣстн.* 1903, апрѣль, 764—767; отд. отд., 117—119.

²⁾ Жизнь Антонія Вел. гл. 87—88. *Migne P. G.* XXVI, 964—965; p. п. III, 245—246.

монастырей, киновій, а киновія, какъ извѣстно, господствующая форма древняго монашескаго строя. Не трудно понять, почему въ киновіяхъ вырабатывается преимущественно практической идеаль. Монахи—киновиты живутъ тѣсной общиной, такъ что каждый изъ нихъ становится въ близкія отношенія ко всѣмъ остальнымъ, къ своимъ „духовнымъ отцамъ и братіямъ“, и обязывается самымъ дѣломъ исполнять заповѣдь Христа о любви къ ближнему, разумѣя подъ ближними по крайней мѣрѣ этихъ своихъ отцевъ и братій, и быть слугою всѣмъ. Но разумѣется, и иноки служащей любви свою дѣятельность основывали на „внутреннемъ милосердіи ко всякому разумному существу“, не ограничивали ее поэтому предѣлами своего чернеческаго класса или — еще уже—стѣнами своего монастыря ¹⁾. По аскетическому идеалу каждый инокъ въ своемъ монастырѣ является слугою всѣмъ—и настоятелю, и старцамъ, и своимъ братіямъ до послѣдняго послушника. Но такимъ же безотвѣтнымъ слугою онъ долженъ быть и по отношенію къ мірянамъ. И сейчасъ мы увидимъ, что въ мірскомъ ближнемъ, которому служилъ древній инокъ, онъ не видѣлъ вовсе существа низшаго порядка, чѣмъ онъ самъ, и служа только снисходилъ бы къ нему. Напротивъ: того мірянина, которому служилъ монахъ, онъ считалъ неизмѣримо выше себя; помогая и благотворя больному, страннику, нищему, часто порочнымъ лично, или невинному дитяти—сиротѣ, беззащитной вдовицѣ и безправному рабу,—онъ вѣровалъ, что служить Самому Христу, Который жилъ на землѣ въ уничиженномъ видѣ и образѣ раба, страдалъ за грѣшный міръ и Который до сихъ поръ ходитъ по землѣ въ образѣ труждающихся и обремененныхъ. Людское горе, страданія и нужда олицетворялись въ высочайшемъ лицѣ Господа; монахъ дѣятельнаго подвига служилъ Ему Самому непосредственно и могъ ли онъ считать

¹⁾ Въ недавнихъ статьяхъ по вопросу о монашескомъ служеніи міру среди отрицателей практическаго идеала сквозило болѣе или мѣнѣе замаскированное и подказанное предразсудками касты представлевіе, что ближній монаха есть только монахъ,—или по крайней мѣрѣ, что мірянинъ въ меньшей степени для него ближній, чѣмъ свой братъ. Но такого воззрѣнія, противорѣчащаго ясному евангельскому ученію о ближнемъ, насколько намъ извѣстно, не встрѣчается вовсе въ древней аскетической письменности.

свое дѣло ниже подвиговъ отшельничества и созерцанія? Конечно нѣтъ. Такимъ образомъ дѣятельнаго служенія міру со стороны иноковъ общежителей требовали ихъ моральныя воззрѣнія ¹⁾).

Но посмотримъ на древнюю киевію съ другой, менѣе возвышенной стороны. Монашеское общежитіе представляетъ собою извѣстную хозяйственную единицу. Киновиты, не имущіе и не стяжательные каждый лично и въ отдѣльности, всѣ вмѣстѣ, какъ община, составляющая монастырь, и имѣютъ и стяжаютъ: они приобрѣтаютъ средства для обители и личнымъ трудомъ, который здѣсь предписывается и поощряется, и принятіемъ мірскихъ подаяній, которыхъ по большей части не отвергаютъ. Эта практическая сторона жизни ставитъ дѣятелей киновитовъ—гораздо ближе къ землѣ, чѣмъ созерцателей—отшельниковъ, а затѣмъ создаетъ матеріальную зависимость ихъ отъ міра. Далѣе: въ монастырѣ при ограниченныхъ потребностяхъ братіи, при напряженности труда ихъ и при усердіи благотворителей мірянъ обычно скопляются излишки, которые съ точки зрѣнія монашескаго обѣта бѣдности и евангельскаго ученія о богатствѣ не должны имѣть мѣста. Богатый монастырь съ точки зрѣнія монашескаго идеала такое же ненормальное явленіе, какъ богатый монахъ. Излишки должны быть удаляемы изъ монастыря—раздаваемы нуждающимся предъ вратами обители. Отсюда *логическая необходимость и непремѣнная обязанность монастырской благотворительности*. Исаакъ Сиринъ пишетъ: „Кто (въ противоположность созерцателямъ) развлекается дѣлами житейскими, собственными своими руками работаетъ и самъ беретъ у другихъ, тотъ тѣмъ паче обязанъ подавать милостыню. И если не радѣтъ ему о милостыни, то немилосердіе это есть противленіе Господней заповѣди. Ибо если кто не приближается къ Богу втайнѣ и не умѣетъ служить Ему духомъ (т. е. кто не подвижникъ созерцатель), но не заботится о дѣлахъ явныхъ, которыя возможны для него, то какая еще будетъ у таковаго надежда приобрѣсти себѣ жизнь? Таковой несмысленъ“ ²⁾).

¹⁾ Представленіе о Христѣ, въ образѣ нищаго ходящемъ по землѣ, было и въ древней Руси среди монашества. См. Какъ служили міру... Б. В. 1903, апрѣль, 725—726; отд. отт., 77—78.

²⁾ Орега, pp. 443—444; p. п. 62—64.

И дѣйствительно, служеніе міру благотворительностью въ разныхъ ея видахъ составляетъ непрерывную, составную часть общежительнаго строя киновіи. Это можно наблюдать въ исторіи общежительнаго монашества начиная съ Тавеннскихъ киновій Пахомія Великаго, но особенно ясно видно на обители преподобнаго Феодосія Великаго, палестинскаго подвижника, который недаромъ носить имя Киновіарха († ок. 529 г.). Жизнеописатель преподобнаго Кирилль Скиѳопольскій такими словами характеризуетъ благотворительную дѣятельность Феодосія. „Такъ какъ существуетъ вторая заповѣдь (о любви къ ближнему), подобная первой (о любви къ Богу), которая дѣлами поддерживааетъ предшествующую и скорѣе приводитъ къ ней, и заповѣдуетъ: *возлюбими искренняго твоего яко самъ себе*, смотрите, сколь рачительнымъ въ исполненіи ея явился себя по истинѣ божественный и благодарованный намъ Феодосій“. При киновіи (его) можно было видѣть не только разнообразныя ремесленныя заведенія, но и „различныя прибѣжища, каждое удовлетворяющее соответственнымъ образомъ нуждамъ пребывающихъ, при чемъ каждый изъ нихъ пользовался разнымъ гостепріимствомъ, но всѣ одинаковымъ уходомъ... Одно есть убѣжище для приходящихъ монаховъ, доставляющее имъ должное утѣшеніе, другія—для мірянъ, оказывающія имъ разнообразныя услуги, третья—для нуждающихся въ необходимомъ, которые зовутся нищими, но одновидны съ нами (—монахами) по природѣ; объ нихъ наиболѣе заботился вѣрный рабъ Обнищавшаго насъ ради (—преп. Феодосій), бывший чрезъ это нищелюбцемъ, отгоняющимъ чрезъ облегченіе нужды малодушіе, происходящее отъ скудости, и если кто былъ одержимъ священною болѣзнію (эпилепсіей), или лишенъ зрѣнія, или угнетаемъ холодомъ вслѣдствіе наготы, или по какой-либо другой причинѣ нуждался въ помощи, блаженный былъ всѣмъ для всѣхъ: для жалко болѣющихъ благосердный врачъ, око для слѣпыхъ, нога для хромыхъ, кровь для немощныхъ крова, одѣяніе для нагихъ. И объ этомъ въ особенности свидѣтельствуютъ тѣ, кто часто со тщаніемъ ему помогали, но съ трудомъ могли помочь вслѣдствіе готовности его обильной преданности. Онъ не отвращался отъ того, чтобы, прикасаясь губами къ губамъ, цѣловать обезображенныхъ тѣлесно; другихъ, угнетаемыхъ нищетою и бо-

лѣзнью, помазуя масломъ, онъ подобнымъ же образомъ цѣловалъ, *утвернный, что среди нихъ онъ прислуживаетъ Спасителю всѣхъ Христу*, рекшему: *творяй единому сихъ братій меньшихъ, Мкъ сотвори*. Что же сказать про язвы голода? Сколько людей получили уходъ отъ него? Одни пріяли пищу, другіе утѣшеніе въ болѣзни. И тѣ, которые были здоровы тѣломъ и не окончательно нищіе, но бѣжавшіе отъ голода, какъ отъ бури, приставали къ этой пристани спасенія; и всѣ получали пищу, такъ что тогда прислуживающіе насчитывали гораздо болѣе, чѣмъ до ста столовъ въ день; нѣкоторые же изъ нихъ, совершенно лишенные одежды, удостоивались и помощи одѣяніемъ“. Монастырь преп. Θεодосія питалъ народъ во время голода ¹⁾. Вотъ наиболѣе цѣльная картина широкой благотворительной дѣятельности древняго восточнаго монастыря, начальникъ котораго, служа мірянамъ, былъ убѣжденъ, что служить Самому Христу въ образѣ нищихъ и болѣющихъ братій. Можетъ быть строгій ревнитель отшельническаго идеала монашества въ этой заботѣ подвижника о мірянахъ и въ дѣятельности, нерѣдко вызывающей его за монастырскую ограду, усмотритъ нарушеніе обѣта отреченія отъ міра, обмірщеніе. Однако это было бы невѣрно. Среди монаховъ дѣятельнаго идеала обѣтъ этотъ понимался болѣе широко. „Міромъ я называю любовь къ чувственнымъ предметамъ и плоти“, пишетъ Θεопитъ, митр. Филадельфійскій (к. XIII — н. XIV в.) ²⁾, и съ этой точки зрѣнія общественное служеніе монашества и непрерывное близкое соприкосновеніе съ мірянами нисколько не будетъ обмірщеніемъ его, потому что можно служить мірскому ближнему, не сливаясь съ міромъ, не прилѣпляясь къ чувственнымъ предметамъ и не вовлекаясь въ кругъ мірскихъ отношеній.

Виды внѣшняго служенія міру со стороны древнихъ инокъ были очень разнообразны. Наиболѣе простой и распространенный способъ служенія мірскому ближнему—*страннопримство*, которое, если не ошибаемся, совмѣщалось со всѣми видами монашескаго подвига, не исключая и отшельничества, и которое такъ же древне, какъ древне монашество.

¹⁾ Житіе преп. Θεодосія, гл. 15 и 16. *Пал. Пат.* вып. 8, стр. 26—30.

²⁾ *Христ. Чит.* ч. XXII, 141.

Страннолюбіе—одна изъ высокихъ добродѣтелей монашества. „А о страннолюбіи (*φιλοξενία*) нѣтъ нужды и писать вамъ,—такъ говоритъ Ефремъ Сиринъ,—ибо знаете, что страннолюбіе выше многихъ добродѣтелей“. „Возлюбленный! обращается святой отецъ къ иноку,—если къ брату твоему придетъ странникъ (*ξένος*), то помоги брату по мѣрѣ силъ своихъ, чтобы и тебѣ стать соучастникомъ въ страннолюбіи, и Господь благоустроитъ пути твои“ ¹⁾. Отмѣтивъ въ некоторое непониманіе иноками долга гостепрѣимства, преп. Нилъ Синайскій совѣтуетъ съ великимъ тщаніемъ „держаться страннолюбія ради собственной пользы, чтобы принять намъ у себя не только ангеловъ, но и Бога“ ²⁾. Страннопрѣимство рано и прочно организуется въ древнихъ обителяхъ. При монастыряхъ, за ихъ стѣнами строятся гостинницы или страннопрѣимницы (*ξενοδοχεῖον*). На одного изъ старшихъ братій возлагается хлопотливая обязанность принимать странниковъ и прислуживать имъ. Онъ назывался гостинникомъ—*ξενόδοχος* ³⁾. Въ помощники ему давались новоначальные иноки, потому что въ нѣкоторыхъ наиболѣе прославленныхъ обителяхъ старцу гостиннику было слишкомъ много дѣла ⁴⁾. Иноки Пахоміевыхъ монастырей принимали и упокоивали всѣхъ приходящихъ „безъ различія пола, вѣры и состоянія“ ⁵⁾. И вообще ни о какихъ подобныхъ ограниченіяхъ въ прѣемѣ странниковъ (исключая развѣ—различіе пола) мы не знаемъ изъ памятниковъ восточнаго монашества. Присматриваясь къ извѣстіямъ древнихъ источниковъ о монастырскомъ страннопрѣимствѣ, можно видѣть, что посѣщеніе обителей мѣрянами сдѣлалось обычаемъ, притомъ распространеннымъ и повсемѣстнымъ. Мы нарочно остано-

1) *Ефрема Сир.* О томъ, какъ пріобрѣтается смиренномудріе, гл. 33 и 36. *Opera*, I, 310; р. п. I 565 и 566.

2) Къ Евлогію монаху гл. 26, ср. 25 и 19. *Migne* P. G. LXXIX, 1128, 1117; р. п. 259, ср. 258, 248.

3) Объ этомъ можно читать въ древнихъ монашескихъ уставахъ. *Ееофана*, Др. иноч. уставы, 141—143, 443—446, 643—644. У *Исидора Пелусіота* ἡ τῶν ξένων ἐλθεῖσα (*Migne* P. G. LXXVIII, 404; р. п. I, 224).

4) Насколько хлопотлива была должность старца гостинника, это можно видѣть изъ повѣствованія преп. Дороея, который самъ проходилъ это монастырское послушаніе (Слово XI, *Migne*, P. G. LXXXVIII, 1741 и 1744; р. п. 136).

5) *Ееофана*, Др. иноч. уставы, 141.

вливаемся на этомъ видѣ служенія древнихъ иноковъ міру, потому что въ страннопріимствѣ видимъ наглядное показаніе того общенія монастыря съ міромъ, на почвѣ котораго развилось пастырство древнихъ старцевъ и исповѣдь мірянъ предъ ними,—внѣшнее показаніе внутреннихъ связей мірянъ и старцевъ.

Очень распространены были въ монастыряхъ и другіе виды благотворительности—*милостыня, нищенпитаніе, уходъ за больными*,—которые нерѣдко непосредственно и соединялись съ страннопріимствомъ, такъ что, напримѣръ, при страннопріимницахъ были врачи и аптекари, лѣчившіе странниковъ; тамъ же ихъ питали и покоили ¹⁾. Строились и особыя больницы (*νοσοκομείον*), богадѣльни для престарѣлыхъ (*γερωντοκομείον* или *γερωντοτροφείον*), пріюты для нищихъ (*πτωχοτροφείον* или *πτωχεῖον*). При монастыряхъ бывали сиротопитательницы (*ὀρφανοτροφείον*), въ которыхъ призрѣвались мірскія сироты, училища для дѣтей,—и съ другой стороны иноки (правда, рѣдко) бывали домашними учителями мірскихъ дѣтей ²⁾. Встрѣчаются и такіе виды служенія ближ-

¹⁾ Много данныхъ по вопросу о древней монастырской благотворительности см. у *Besse, Les moines d' Orient*, chap. XIX и XXI, и въ кн. *свящ. Н. П. Доброзравова, Уходъ за больными въ христіанствѣ*, М. 1904, 71—77.

²⁾ Воспитаніе дѣтей въ древнихъ монастыряхъ отчасти описано въ нашей статьѣ „Какъ служили міру подвижники др. Руси?“ *Б. В.* 1903, апр., 753—754; отд. о 77. 106—107 стр. Кромѣ данныхъ приведенныхъ тамъ см. *Ladeuze, Etude sur le cenobitisme Paicomien*. Paris, 1898, pp. 313—314. Была школа при киновіи преп. Θεοδοσία, *арх. Θεοδοσία*, Палестин. монашество IV—VI вв. 173—174. *А. В. Горскій* въ своей „Жизни св. Аванасія Вел.“ говоритъ: „посвященіе пустынножителей, воспитаніе у нихъ дѣтей... благоприятно дѣйствовало на другую часть христіанскаго общества, въ которой не отступали отъ обыкновенныхъ условій жизни“ (т.-е. на мірянъ. Тв. св. Аванасія, I, 2-е изд., 10). Въ Внелеемскомъ монастырѣ блаж. Иеронима „было помѣщеніе, въ которомъ онъ (Иеронимъ) обучалъ дѣтей начаткамъ вѣры и знанія“ (*II. Сладкопѣвецъ*. Др. палест. обители... вып. I, 139). Въ средневѣковой Византіи устройство школъ при монастыряхъ было обычнымъ дѣломъ. Въ нихъ воспитывались и мірскіе дѣти, которые не поступали въ монахи. Напримѣръ, въ школѣ Студійскаго монастыря получили свое образованіе Исаакъ и Іоаннъ Комнины, изъ которыхъ первый былъ послѣ императоромъ (1057—1059) *И. Соколова*, Состояніе монашества въ Византійской церкви съ пол. IX до нач. XIII в. 512—515.—Св. Іоаннъ Дамаскинъ и его свободный братъ св. Косма, впоследствии епископъ Маюмскій, получили превосходное образованіе въ наукахъ свѣтскихъ и духовныхъ

нимъ со стороны древнихъ иноковъ, какъ подбораніе и воспитаніе подкидышей¹⁾, обращеніе потерянныхъ женщинъ къ доброй жизни²⁾. Всѣми перечисленными учрежденіями завѣдывали монахи, которые назывались—*νοσοκόμος, γεροντοκόμος* и проч. Таковы формы общественнаго служенія древняго монашества въ періодъ вселенскихъ соборовъ.

Позднѣйшее восточное монашество сохранило описанные два вида аскетизма—созерцательный и практическій. Достаточно вспомнить афонскихъ исихастовъ съ ихъ споромъ о аворскомъ свѣтѣ, чтобы составить себѣ представленіе о крайнемъ развитіи созерцательнаго идеала среди византійскаго монашества, но и практическое направленіе двинулось нѣсколько впередъ. Формы благотворительной дѣятельности монастырей остались тѣ же, что были и раньше, но онѣ измѣнились въ смыслѣ своего общественнаго значенія³⁾. Если ранѣе монастырь благотворилъ изъ своихъ собственныхъ средствъ, добываемыхъ путемъ монашескаго труда и мірскихъ подаваній, то теперь къ этой обычной формѣ прибавляется новая—форма, если можно такъ выразиться, ктиторской благотворительности посредствомъ монастыря. Знатный и богатый человекъ, иногда императоръ византійскій, строилъ свой ктиторскій монастырь, а при немъ обычныя благотворительныя учрежденія, при чемъ на нихъ специально отпускалъ опредѣленные средства. Монастырь только завѣдывалъ этими учрежденіями, созданными его

подъ руководствомъ монаха Космы, котораго отецъ Дамаскина выкупилъ изъ плѣна, *Житіе св. Иоанна Дам.* гл. 10—18. *Act. Sanct.*, Maji, II, t. pp. XII—XVII. Но не должно забывать и того, что въ обученіи дѣтей усматривали большую опасность для монашескаго цѣломудрія и нерѣдко очень настойчиво запрещали эту форму служенія иноковъ міру.

1) Прямѣръ преп. Копрія († ок. 530) изъ обители преп. Феодосія. Инокіи обители нашли его за монастырской оградой на гноищѣ—отсюда имя Копрій, — гдѣ родила и оставила его мать. Пріюты для подкидышей назывались—*δρεφοτροφείον*.

2) Подвижникъ газской кивовіи Еваге въ пол. VI нач. VII в преп. Виталій, проявившій свое служеніе міру въ столицѣ Египта—Александріи. Въ Константинополѣ строились при монастыряхъ особые пріюты для „кающихся грѣшницъ“ называвшіеся *μετανοία*—домъ покаянія, или *χοιροτροφείον*—убѣжище для дѣвъ. Иногда же для такихъ грѣшницъ строились и особые монастыри—метаніи. *Д. Кожжа*, Словарь. *μετανοία*, I, col. 917. *Свящ. Н. П. Добронравова*, 75.

3) См. въ кн. *И. Соколова*, Состояніе визант. монашества, 523—531 и мн. др.

киторомъ. Благочестивый киторъ иногда за тѣмъ строилъ и самый монастырь, чтобы поставить подъ его завѣдываніе серію благотворительныхъ учрежденій. Выходить, что не больницы и богадѣльни были при монастырѣ, а наоборотъ... Примѣровъ такихъ киторскихъ страннопріимницъ, больницъ, богадѣленъ и под. можно много встрѣтить въ типакахъ монастырей. Мы здѣсь только упомянемъ, не описывая, обширную больницу и богадѣльню при монастырѣ Пантократора, построенномъ (въ 1136 г.) императ. Іоанномъ Комниномъ ¹⁾. Явленіе, которое мы назвали киторской благотворительностью посредствомъ монастыря, важно въ отношеніи принципіальномъ. Оно показываетъ, что въ Византіи монастырь нерѣдко устраивался для широкихъ филантропическихъ цѣлей и былъ пособникомъ и проводникомъ въ жизнь благотворительнаго усердія мірянъ. Пусть же послѣ этого говорятъ о несомвѣстимости монашества съ альтруистической дѣятельностью, монастыря съ больницей и богадѣльней!..

Служеніе міру со стороны древняго восточнаго монашества еще ждетъ всесторонняго и безпристрастнаго изученія. Но и то, что извѣстно и сдѣлано для этого по настоящее время, показываетъ, что подвигъ служенія мірскому ближнему хорошо былъ извѣстенъ древнему монаху, и—мало того—высоко цѣнился имъ. Намъ кажется, идеаль служащей любви въ древнемъ христіанскомъ монашествѣ не считался ниже, чѣмъ идеаль созерцательный, инокъ благотворитель не унижался предъ исихастомъ. Въ Лавсаикѣ есть любопытный рассказъ, подтверждающій высказанное положеніе. Два родные брата, богатые наслѣдники отцовскаго имуществва, раздѣлили его и пошли въ монахи. „Одинъ все роздалъ на монастыри и, выучившись ремеслу для своего пропитанія, посвятилъ себя подвижничеству и молитвѣ; а

¹⁾ Эти больница и богадѣльня, подробно изображенныя со стороны организаціи въ уставѣ, данномъ монастырю императоромъ, не разъ описывались въ нашей литературѣ. *Безобразовъ*, Матеріалы для внутренней исторіи Византіи. Незданные мон. уставы. *Ж. Мин. Нар. Пр.* 1887. кн. XI, (т. 254) 66—74. *И. Соколовъ*, Состояніе Визант. монашества. 528—530. *Проф. А. Дмитриевскій*, Опис. литург. ркп., хранящихся въ бібліотекахъ правосл. востока ч. I *Тѣ великія*. Предисловія стр. LXXX — XCII, подлинный текстъ, стр. 682—699. *Свящ. Н. П. Добрянцовъ*, Уходъ за больными, 82—86.

другой, ничего не истративъ на это, построилъ себѣ монастырь для небольшого числа братіи, принималъ странныхъ, лѣчилъ больныхъ, поклонялъ престарѣлыхъ, всякому бѣдному подавалъ милостыню, а по субботамъ и воскресеньямъ устраивалъ три или четыре трапезы, и угощалъ неимущихъ;— вотъ на что отдалъ онъ свое имущество! „Когда оба они скончались, братія, похваляя ихъ житіе, заспорили о томъ, чей подвигъ выше. Не согласившись между собою, они пошли къ преподобному Памво и просили разрѣшить споръ. Подвижникъ сказалъ братіи: „предъ Господомъ оба равно совершенны и обѣ стороны должны согласиться со мною“. Но братія не соглашались. Тогда преподобный просилъ у Бога откровенія о загробной судьбѣ почившихъ подвижниковъ—братьевъ и черезъ нѣсколько дней „видѣлъ ихъ обоихъ стоящими вмѣстѣ предъ Богомъ въ раю“ ¹⁾.

Тотъ видъ общественнаго служенія древняго монашества, о которомъ будетъ наша рѣчь—*исповѣдь мірянъ старцами, соединенная съ пастырствомъ, относится къ духовной, а не къ матеріальной милостынѣ* и доступенъ для всѣхъ монаховъ, какъ киновитовъ, насельниковъ лавръ и скитовъ, такъ и отшельниковъ, исключая только крайнихъ безмолвниковъ, прямолинейно проводившихъ принципъ свой—„бѣгай отъ людей“. И вотъ почему въ дальнѣйшемъ изложеніи мы встрѣтимъ примѣры исповѣди мірянъ у иноковъ всѣхъ разрядовъ. Однако не даромъ такъ долго говорили мы объ общественномъ служеніи иноковъ практическаго идеала и главнымъ образомъ киновитскаго образа. Описанные нами виды служенія были прочными связями монастыря съ міромъ. Въ самомъ дѣлѣ, міряне странники ходятъ въ обители и въ монастырскихъ страннопримницахъ получаютъ пропитаніе и покой отъ монаховъ, больные по долгу лежатъ въ монастырскихъ больницахъ, подкидыши и сироты получаютъ воспитаніе и обученіе (до зрѣлаго возраста) при монасты-

¹⁾ *Migne P. G. XXXIV, 1035—1036; p. п. 40—43.* Любопытно отмѣтить, что этотъ разсказъ повторяется и въ византийской письменности въ доказательство того, что оба пути одинаково спасительны—и путь безмолвія и путь дѣятельной любви (Статья Мюнхенской рки. X в. съ именемъ Анастасія Синаита *ἐπὶ διαφόρων τρέπων σοτηρίας ψυχῆς καὶ μετανοίας.* Проф. Н. С. Суворова, Къ исторіи нрав. ученія въ вост. церкви. *Виз. Врем.* 1903 г. (т. X), 59—60, стр. 34).

ряхъ, въ сиротопитательницахъ, старцы въ монастырскихъ богадѣльняхъ доживаютъ до своей смерти. Спрашивается, неужели въ богадѣльняхъ, больницахъ и отчасти странно-пріимницахъ, которыми завѣдывали монахи монастырей, въ отношеніи къ этимъ, такъ сказать, монастырскимъ людямъ не примѣнялась вовсе монастырская дисциплина? Неужели исповѣдь и покаяніе, обязательныя для инока, не разсматривались какъ таковыя и для мірскаго человѣка, живущаго при монастырѣ? Неужели наконецъ монастырское пастырство въ лицѣ старцевъ не имѣло вовсе мѣста относительно монастырскихъ людей? Мы предполагаемъ, что въ монастырскихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ царила, конечно только смягченная, монастырская дисциплина, имѣли мѣсто и старческая исповѣдь и старческое пастырство, что такимъ образомъ духовная милостыня здѣсь присоединялась къ тѣлесной и сопровождала ее. Къ сожалѣнію о внутреннемъ строѣ монастырскихъ благотворительныхъ учреждений IV—IX столѣтій мало извѣстно, но то, что пишетъ о сиротопитательницѣ Василій Великій, можетъ только подтверждать высказанное предположеніе о господствѣ монастырской дисциплины въ учрежденіяхъ при монастырѣ ¹⁾. Въ монастырскихъ учрежденіяхъ жилали люди, пришедшіе для покаянія (падшіе клирики, о чемъ ниже), а нѣкоторыя учрежденія носили покаянный характеръ по самому существу своему, напр. метаніи — пріюты для раскаявшихся блудницъ. Можно далѣе предполагать, что монастырскіе люди, невольно подчиняясь требованіямъ монастырской дисциплины, усваивая монашескіе принципы — обязательности исповѣди и необходимости для спасенія души руководителя старца, были естественными распространителями монастырской покаянной и старческой дисциплины и въ чисто мірской средѣ.

Примѣры исповѣди мірянъ въ монастыряхъ идутъ отъ IV ст., т. е. отъ перваго вѣка монашества, даже больше того (какъ сейчасъ увидимъ) отъ перваго поколѣнія египетскаго подвижничества.

На исповѣдь къ старцамъ шли простые вѣрующіе. Уже Антоній Великій принималъ исповѣдь борющихся помысловъ

¹⁾ Прав. Простр. 15 вопр. Твор. V, 119—123; Прав. Кр. 53 вопр. 182—183, вопр. 292, 330—331.

можетъ быть не отъ однихъ монаховъ. О преп. Іоаннѣ Ликопольскомъ въ „Исторіи монаховъ“ разсказывается: „согражданамъ, которые постоянно приходили къ нему по своимъ нуждамъ, онъ предрекалъ будущее и обнаруживалъ тайныя дѣла каждаго... обличалъ виновныхъ“. Старецъ подвижникъ занимается исцѣленіемъ больныхъ человѣческихъ совѣстей своихъ посѣтителей мірянъ, вѣроятно, предписываетъ и покаяніе. Дѣло здѣсь обходится безъ исповѣди только вслѣдствіе его прозорливости ¹⁾. — Одинъ знатный арабъ V столѣтія, обратившись ко Христу, далъ обѣтъ не вкушать никакой мясной пищи, а потомъ разъ соблазнился и хотѣлъ ѣсть птицу. Но птица превратилась въ камень и, вразумленный этимъ чудомъ, арабъ отправился къ преп. Симеону Столпнику († 459), „открылъ ему тайную вину свою, объявилъ предъ всѣми нарушение обѣта и, взывая къ Богу о помилованіи, просилъ святого старца, чтобы онъ своими молитвами исходатайствовалъ ему разрѣшеніе отъ узъ сдѣланнаго грѣха“ ²⁾.—Въ Лугѣ Духовномъ разска-

1) *Жизнь Антонія Велик.* гл. 87 гл. Твор. св. Аенасія, III, 245: „Кто приходилъ къ нему (Антонію В.) смущенный помыслами и не находилъ тишины уму?“ *Арх. Сергій*, Лавсаикъ и Исторія егип. монаховъ, Чт. Сбщ. Т. Д. Пр. 1882, I, 243—244. *Руфина*, Жизнь пустынь. отцевъ, р. п. свящ. Хитрова, 6. Когда св. Іоаннъ Златоустъ жилъ въ монастырѣ близъ Антиохіи (375—378), онъ далеко по окрестностямъ прославился своею учительностью и духовной опытностью. „И всѣ называли его отцемъ, повѣствуетъ жизнеописатель его Георгій Александрійскій, и исповѣдали ему свои помышленія и, принявъ разсужденіе его, уходили въ свои мѣста... И дѣлали это не только монахи, но и многіе изъ мірянъ (πολλοὶ τῶν ἐν κόσμῳ), обуреваемые злыми помыслами. Приходили они къ нему и объявляли ему душевныя раины, какъ болящіе тѣломъ (показываютъ) свои болѣзни врачамъ, и принявъ пластырь, необходимый для исцѣленія души, съ радостью возвращались“. Житіе Златоуста, напис. Георгіемъ патр. Александрійскимъ. *Ioannis Chrysostomi opera omnia*, edit. *E. Savilii*, Etonae, 1612—1613. VIII t., p. 173. (У *Силіона Метафраста* это извѣстіе пропущено: *Migne P. G.* CXIV, 1068); р. п. *В. Ч. Минеи* 13 ноября, стб. 926—927 изд. Археогр. Комм.—Но Златоустъ не былъ старцемъ. Онъ даже не былъ инокомъ, потому что не принималъ постриженія. Причина описаннаго здѣсь хожденія къ нему для исповѣди помысловъ одна—его исключительная учительность и духовная опытность.

2) *Τὸ κερκομένον εἰς τὴν πρόσθετον ἁμαρτίαν καὶ τὴν παράσσειν ἀνακρίπτων τῶν καὶ τοῦ πταίσματος ἐκ Θεοῦ συζυγῶν, αἰτούμενος καὶ τὸν ἴσον εἰς ἐκκορίαν κελῶν, ὡς ἂν παντοδυνάμεις αἰτοῦ εἰχλαῖς τῶν δεσμῶν αἰτεῖν*

занъ такой случай. Къ аввѣ Іоанну, игумену монастыря Гигантовъ, пришелъ молодой человѣкъ. „Ради Бога прими меня, говорилъ онъ; я желаю раскаяться (*θελώ γάρ μετανοῆσαι*)“. Въ смущеніи онъ не могъ рассказать своего грѣха, а игумень настаивалъ на этомъ, говоря, что епитиміи, которыя могутъ исцѣлять грѣшную совѣсть, должны точно соответствовать виду грѣха и, значитъ, грѣхъ долженъ быть открытъ духовному врачу: „однимъ способомъ врачуется блудникъ, другимъ—убійца, третьимъ лживый врачъ (*φάρμακός*—чародѣй) и совсѣмъ иное нужно для сребролюбца“. Юноша покаялся въ гробокопательствѣ ¹⁾. Справедливо подмѣчено, что игумень Іоаннъ здѣсь представляется уже опытнымъ совершителемъ покаянія и, судя по сдѣланному имъ перечню смертныхъ грѣховъ (особенно убійства и чародѣйства),—покаянія мірскихъ людей ²⁾.—Феодоръ Студитъ, который, какъ извѣстно, былъ саномъ пресвитеръ, принималъ на исповѣдь къ себѣ какъ монаховъ, такъ и мірянъ. Когда подвижникъ помиралъ, его спросили „о монахахъ и мірянахъ, бывшихъ подъ епитиміей“, значитъ, у него покаявшихся, и преподобный простилъ и разрѣшилъ ихъ ³⁾.

Но не одни простые міряне нуждались въ монастырскомъ покаяніи. *Шли въ монастыри и къ отшельникамъ также и клирики, неся свои неочищенные совѣсти; они исповѣдывали старцамъ грѣхи свои, прося у нихъ исцѣленія язвъ душевныхъ.* Въ пустыню Келлій къ преп. Макарію Великому, который былъ пресвитеромъ, пришелъ изъ селенія священникъ, пораженный тяжелой болѣзнью за то, что согрѣшилъ любодѣяніемъ и послѣ того совершалъ литургію. Но подвижникъ не хотѣлъ и на глаза пустить грѣшника. За несчастнаго просили и преподобный потребовалъ, чтобы пад-

τῆς ἀμαρτίας ἐκλύσιν. *Исторія боголюбцевъ бл. Феодорита*, гл. 29. *Migne P. G. LXXXII, 1477; p. п. 213.*

¹⁾ *Migne P. G. LXXXVII, 2932—2936; p. п. 96—98.*

²⁾ *K. Holl, Enthusiasmus...* S. 316. Въ настоящемъ отдѣлѣ мы пользуемся данными, приводимыми названнымъ ученымъ (SS. 314—318), но не всѣми, потому что не всѣ они, на нашъ взглядъ, относятся къ вопросу—исповѣди мірянъ предъ старцами; съ другой стороны приводимъ извѣстія, не упоминаемыя К. Големъ.

³⁾ *Migne P. G. CXIX, 325; p. п. Творенія св. Феодора, Ч. I. Спб. 1867, 95. Житіе, гл. 66.*

шій пресвитеръ далъ клятву не священствовать болѣе. Тотъ обѣщаль это, исповѣдалъ свой грѣхъ и, получивъ исцѣленіе отъ болѣзни, сталъ въ ряду мірянъ ¹⁾. Заслуживаетъ здѣсь вниманіе то обстоятельство, что старецъ пресвитеръ, налагая на виновнаго священника административное наказаніе совершенно согласное съ канонами, совершаетъ чисто епископскую функцію, а никакъ не пресвитерскую ²⁾.—Но описанное покаяніе пресвитера въ пустынь Келлій не было единичнымъ и исключительнымъ фактомъ. Въ правилѣ, которое выработали старцы этого монастыря и сосѣдняго Скита, есть статья о приѣмѣ клириковъ, и въ ней между прочимъ читаются замѣчательныя слова: „Не должно клириковъ принимать въ монастырь на жительство, развѣ только обличенные въ преступленіи придуть они въ монастырь, чтобы подвигомъ униженія принести покаяніе“ ³⁾. Отсюда слѣдуетъ, что прохожденіе монастырскаго покаянія клириками было здѣсь явленіемъ обычнымъ.—И въ другихъ странахъ кромѣ монашескаго Египта мы встрѣчаемъ тоже явленіе. Въ славянскомъ Прологѣ и Минеяхъ-Четихъ есть переводная повѣсть „О прозвѣтѣ, впадшемъ въ прелюбодѣяніе и прощени покаяніемъ“. Къ сожалѣнію время описаннаго въ ней происшествія неизвѣстно. Одинъ Константинопольскій пресвитеръ впалъ въ блудъ. Придя въ сокрушеніе, онъ пошелъ на гору Олимпійскую (въ Виѣиніи), „помысливъ тамо покаяться къ нѣкому духовному отцу; и тамо обрѣтъ старца, исповѣда ему вся согрѣшенія, посемъ рече блудное“. Старецъ справился, продолжалъ ли онъ свое служеніе послѣ паденія, и, когда согрѣшившій сознался въ этомъ, подвижникъ ему замѣтилъ, что онъ не долженъ былъ священство-

¹⁾ Лавсанкъ, гл. 19—20. *Migne P. G. XXXIV, 1059: Καὶ ἐξομολογήσατο τὴν ἀμαρτίαν καὶ ἔδοξε λόγον τοῦ μικροῦ ἀμαρτήσαι μίγε λειτουργῆσαι τῷ θυσιαστήριον, ἀλλὰ λαίχρον ἐπάσασθαι κληρὸν;* р. п. 66—67. Приводя этотъ разсказъ, проф. Н. С. Суворовъ (Къ вопросу о тайной исповѣди и духовникахъ... 91—92 и къ вопросу о Номоканонѣ Іоанна Постника, 95), видитъ здѣсь примѣръ исповѣди священника предъ монахомъ. Но вѣрнѣе: это исповѣдь мірскаго священника предъ пресвитеромъ монахомъ.

²⁾ Неокес. 1 пр.

³⁾ *Migne P. L. СШ, 440: Nulli permittatur clerico in monasterio habitare, nisi ei tantummodo quem lapsus peccati ad humilitatem deduxit, et est vulneratus, ut in monasterio humilitatis medicina sanetur;* р. п. *Геофанъ*, Древн. инок. уставы, 199; *Казанскій*, Исторія монашества, II, 14.

вать, „нѣсть бо прощенія“. Падшій спросилъ: „нѣсть ли, стче, покаянія“? а старецъ не принялъ покаянія его: „кто есмь азъ судити таковая, аще быхъ моглъ своихъ плакаться грѣховъ“. Въ отчаяніи грѣшный священникъ ушелъ отъ старца, но по дорогѣ встрѣтилъ другого, авву Петра. Этотъ сказалъ ему: „Мню, чадо, нѣсть грѣха, побѣждающа челоувѣколюбіе Божіе. Но иди въ келію и яви ми своя дѣла“. Когда священникъ принесъ исповѣдь, авва повторилъ слова предшествующаго старца, что для іерея грѣхъ этотъ тяжекъ и не можетъ быть прощенъ, что согрѣшившій не долженъ больше служить, и посовѣтовалъ ему принять монашеское постриженіе. Священникъ постригся отъ руки аввы Петра и, сожительствуя съ нимъ, великими трехлѣтними подвигами заслужилъ себѣ прощеніе грѣха ¹⁾. Въ давномъ случаѣ пресвитеръ кается въ смертномъ грѣхѣ предъ простыми старцами и подъ руководствомъ одного изъ нихъ проходитъ покаяніе.

Приведенные факты показываютъ, что міряне IV—VIII столѣтій—и простые и клирики охотно шли къ монастырскимъ старцамъ, людямъ духовнаго опыта. Они несли сюда свои не очищенные совѣсти, борющіе помыслы, развѣдающія сомнѣнія мысли, страсти подавленной воли. Предъ старцемъ исповѣдывали они свои грѣхи, нерѣдко смертныя, и прегрѣшенія до мимолетнаго помысла и подъ его руководствомъ, принявъ епитимію, какъ духовное врачество, проходили покаяніе. Объемъ исповѣди и характеръ покаянія повидимому соотвѣтствовали исповѣди и покаянію монастырскимъ. Къ сожалѣнію мало извѣстно объ этой старческой исповѣди мірянъ въ періодъ вселенскихъ соборовъ. Извѣстія настолько скудны, что позволяютъ только констатировать фактъ, но не даютъ матеріала, разносторонне описывающаго явленіе. Какимъ чиномъ совершалась исповѣдь? Существовалъ ли даже такой чинъ? Было ли заявленіе о прощеніи грѣховъ кающагося мірянина? Повидимому существовали выработанные приемы наложенія епитимій, но были ли руководства для этого—епитимейники или пенитенціалы? Все это вопросы, на которые нѣтъ отвѣта въ доступныхъ намъ источникахъ.

¹⁾ *Прологъ*, 25 сентября стр. 190—193: *В. Четь-Миней*, тотъ же день, изд. *Археогр. Комм.* стб. 1394—1395.

Какое же значеніе имѣла исповѣдь мірянъ у монастырскихъ старцевъ? Разумѣется, только нравственное: „исповѣдь мірянъ предъ простыми монахами была бытовымъ явленіемъ, а не составною „частью таинства покаянія“, какъ справедливо съ современной канонической точки зрѣнія разсуждаетъ проф. Павловъ ¹⁾. Но есть нѣкоторыя основанія думать, что этой исповѣди мірянъ предъ старцами въ древности среди самого монашества придавалось гораздо большее значеніе,—а именно, какъ акту разрѣшающему отъ грѣховъ, приближающему ее къ акту сакраментальному; совершителей же ея—старцевъ нѣкоторые подвижники признавали носителями власти вязать и рѣшить. И высказанное предположеніе не будетъ особенно странно послѣ того, какъ говорилось о такомъ же воззрѣніи на старческую исповѣдь въ монастырѣ и на старцевъ въ дѣлѣ исповѣди и покаянія монаховъ. Разъ существовало мнѣніе, что монастырскій совершитель исповѣди и покаянія дѣйствуетъ въ средѣ монаховъ какъ богоодаренный носитель власти ключей, что удивительнаго, если та же власть приписывалась ему также и при исповѣди и покаяніи мірянъ? Наоборотъ это совершенно естественно: наличность вяжущей и рѣшающей власти скорѣе зависить отъ духовно-нравственнаго состоянія самого старца, а не отъ званія лица, пришедшаго къ нему для покаянія. Въ болѣе позднее время (въ X, XI и XII вв.) такое воззрѣніе существовало несомнѣнно, какъ увидимъ ниже. Не высказываемъ однако своего положенія категорически. Мы только предполагаемъ существованіе указаннаго воззрѣнія на значеніе монашеской исповѣди среди мірянъ въ періодъ вселенскихъ соборовъ. Къ этому предположенію обязываетъ безпристрастно истолкованное свидѣтельство объ исповѣди, которое читается въ *Вопросахъ и Ответахъ Анастасія Синаита* († 685 по мнѣнію Сергія архіеп., по мнѣнію Крумбахера время его дѣятельности 640—700 гг.) ²⁾. На вопросъ: „хорошо ли исповѣдывать грѣхи наши духовнымъ мужамъ“ (*πνευματικῶς ἀνδράσι*), онъ отвѣчаетъ: „весьма хорошо и вполне полезно, но не неис-

¹⁾ Номокавонъ при больш. требникѣ, новое изд. стр. 475.

²⁾ *Μigne P. G. LXXXIX, 370—375.* Ср. *Изборникъ Святослава* 1073 г. греч. текстъ и слав. изд. Водянскаго, Чт. Общ. и Др. Росс. 1883 г. кн. IV, 110—114; слав. перев. въ 51 сл. *Пандектъ Никона Черногорца*, ркп. М. Д. А. № 56, л. 591 об.—592.

куснымъ и грубымъ въ этомъ, дабы неразумнымъ сочувствіемъ и управленіемъ, или неблаговернымъ и неразумительнымъ протяженіемъ епитимій онъ не сдѣлалъ тебя безчувственнымъ презрителемъ, или лѣнивымъ и медлительнымъ. Итакъ если найдешь мужа духовнаго, опытнаго, могущаго тебя уврачевать непостыдно и съ вѣрою, исповѣдайся ему, какъ Богу, а не какъ человѣку“. Приведа рядъ свидѣтельствъ изъ Писанія, преп. Анастасій обличаетъ тѣхъ грѣшниковъ, которые сами не ходили на исповѣдь и своимъ примѣромъ заражали другихъ, а потомъ нападаетъ на заблуждающихся, принципиально отрицающихъ пользу исповѣди предъ людьми. „Но неразумно и даже нечестиво говорить нѣкоторые, будто нѣтъ пользы отъ исповѣди предъ людьми по причинѣ ихъ подобострастія (*διὰ τὸ ομοιοπαθές*), ибо одинъ Богъ можетъ отпускать грѣхи. Говорящіе такъ пусть знаютъ, что они во-первыхъ только прикрываютъ этимъ свое нечестіе и неразуміе; потомъ искажаютъ слова Самого Господа, сказавшаго своимъ ученикамъ: *кто вы свяжете на землѣ, будетъ связано на небѣ; и кто разрѣшите на землѣ, будетъ разрѣшено на небѣ*“ (Мѣ. XVIII, 18)... Къ тому же отрицаютъ они совершенно крещеніе и всякое божественное священнодѣйствіе потому, что они совершаются людьми, а освящаются Богомъ. Ибо Господь обыкновенно совершаетъ спасеніе людей не чрезъ однихъ ангеловъ, но и чрезъ святыхъ людей (*διὰ ἀνθρώπων ἁγίων*): сначала чрезъ пророковъ, а въ послѣднія времена чрезъ Самого Себя и чрезъ божественныхъ апостоловъ, и затѣмъ къ слугамъ, преемствующимъ Ему до скончанія міра, говоритъ: *кто принимаетъ васъ, принимаетъ Меня, отвергающійся васъ, Меня отвергается и слушающій васъ, Меня слушаетъ* (Мѣ. X, 40; Лк. X, 16). Если же выслушивающій исповѣдь и человѣкъ, но Богъ чрезъ него обращаетъ (къ Себѣ) и исправляетъ и прощаетъ, какъ Давидъ чрезъ Навана... ибо святые служители Божіи суть сотрудники и управители (*οἱ γὰρ ἄνθρωποι ἐπικρέται τοῦ Θεοῦ εἰσὶν, συνεργοὶ καὶ οἰκονόμοι*) ко спасенію желающихъ спастись... Ибо человѣкъ содѣйствуетъ человѣку въ покаяніе, какъ я сказалъ, и помогаетъ и наставляетъ, и обличаетъ ко спасенію по апостолу и пророку, Богъ же изглаждаетъ (*ἐξάλειφει*) грѣхи исповѣдающихся“.

Данный вопросо-отвѣтъ Анастасія Синаита имѣетъ въ виду

исповѣдь мірянъ, а не монаховъ. Прежде всего, для послѣднихъ не было и вопроса о томъ, полезна или нѣтъ исповѣдь предъ духовными мужами (или отцами), потому что это было общимъ требованіемъ монастырской дисциплины; обязательность ея для древнихъ иноковъ не подлежала ни малѣйшему сомнѣнію. Сверхъ того: VI вопросу-отвѣтъ стоитъ въ тѣсной связи съ предшествующимъ, V вопросу-отвѣтомъ, а здѣсь говорится о томъ, какъ покаяться и спастись человѣку, который старъ и боленъ и потому не можетъ принять подвиги монашества, т. е. говорится о покаяніи мірянина. Но изъ отвѣта преп. Анастасія Синаита не видно ясно, кого онъ разумѣетъ подъ „духовными мужами“, „святыми людьми“ и „слугами Божиими“, какихъ совершителей исповѣди разумѣетъ онъ. Однако, судя по употребленію перваго термина въ древней письменности болѣе вѣроятно, что Синайскій подвижникъ разумѣетъ подъ ними „духовныхъ отцевъ“—старцевъ, богодаренныхъ совершителей исповѣди и покаянія ¹⁾). Если

¹⁾ Слѣдуетъ навести справку, въ какомъ смыслѣ въ древней христіанской письменности берется терминъ: „духовный мужъ“—*ἀνὴρ πνευματικός*, наиболѣе характерный изъ употребляемыхъ преп. Анастасіемъ. *Макарій Вел.* употребляетъ это выраженіе въ смыслѣ чловѣка, обогащеннаго Духомъ Святымъ, исполниннаго благодати, „обоженнаго“, въ томъ же смыслѣ, какъ и просто „духовный“—„пророкъ небесныхъ тайнъ“. Слова „духовныхъ мужей“, исполненныя благодати, возвеселяютъ и радуютъ. Они—истинные руководители въ духовной жизни: „каждый изъ покоряющихся слову истины (изъ произнесшихъ иноческіе обѣты) долженъ подвергнуться разсужденію и испытанію людей духовныхъ (т. е. ἀνδρῶν), какъ онъ увѣровалъ и предалъ себя Богу“.. (Бес. XVII, 1; XVIII, 5; XLVIII, 2; *Migne*, P. G. XXXIV, 624, 637, 809; p. п. 159—160, 307, 148; Ср. *И. В. Попова*, Мист. оправ. аскетизма... *Б. В.* 1905 г. янв. 32; отд. отг. 33). Въ „*Лавсаликѣ*“ духовнымъ мужемъ (парал. „духовный“) ясно называется прозорливецъ Іоаннъ Ликопольскій: „Я просилъ его молиться о мнѣ и совершенно удостовѣрился, что онъ точно мужъ духовный (*ὅτι ἀνὴρ ἦν πνευματικός*, *Migne*, P. G. XXXIV, 1113; изд. Робинзона, pp. 102 и 103; p. п. 129—130). Въ словѣ съ именемъ *Іоанна Златоуста* (въ Макарьевскихъ Четвѣхъ-Минеехъ, ноябрь 13 д. 1228 стб. изд. Археогр. Комм.) читаемъ: „Такъ бо подобаетъ быти мужу духовну; точію сами ся достойни створимъ небеснаго дара, и все ны будетъ удобъ“. Далѣе рѣчь объ апостолахъ. Но *Исидоръ Пелусіотъ* называетъ „духовнымъ мужемъ“ епископа. „Если хочешь быть въ почтеніи у женщинъ, пишеть онъ еп. Павладію, хотя это всего несвойственнѣе духовному мужу (*μάλιστα μὲν ἀνοίχεται τοῦτο ἀνδρὸς πνευματικοῦ*), пусть не будетъ у тебя никакого общенія съ женщинами“.. (*Migne* P. G. LXXVIII, 713; p. п. II, 63). Таково

мы припомнимъ, что современникомъ Анастасія Варсануфіемъ Великимъ высказывалось мнѣніе о дарѣ вязать и рѣшить, какъ чрезвычайномъ дарованіи благодати Божіей, а объ озаренныхъ старцахъ, какъ о преемникахъ апостоловъ, то не будетъ ничего необычнаго и въ словахъ Анастасія Синаита, приписывающаго своимъ „духовнымъ мужемъ“ богодарованную власть вязать и рѣшить. Противъ этого говорить повидимому то приводимое Анастасіемъ соображеніе, что отрицатели исповѣди предъ людьми этимъ самымъ отри-

употребленіе термина въ письменности, предшествующей Анастасію Синаиту. Намъ кажется, можно сдѣлать выводъ, что въ собственномъ смыслѣ духовнымъ мужемъ тогда назывался именно человекъ, получившій чрезвычайныя дары Св. Духа, а не іерархическое лицо. Въ послѣдующей письменности выраженіе „духовный мужъ“ употребляется въ значеніи лица, принимающаго исповѣдь, нерѣдко параллельно термину *π. πατήρ*, но безъ обозначенія іерархическаго сана его. Извѣстно, что начало свидѣтельства Анастасія Синаита переписываетъ Петръ Хартофилаксъ (кон. XI в.) въ своихъ *Ερωτήματα* и, значить, употребляетъ его терминъ *π. ἄδελφος*. Анализъ этого свидѣтельства показываетъ, что вѣроятно всего онъ понимаетъ подъ духовными мужами старцевъ и добровольныхъ совершителей исповѣди. Въ „Словѣ къ намѣревающемуся исповѣдаться *духовному отцу*“ (*π. πατέρα*), съ именемъ *Іоанна Постника*, читается: „не будемъ стыдиться объявлять свои прегрѣшенія *духовнымъ мужамъ*“ (*π. ἀδελφοί*)“. Но надо сказать, что въ этой редакціи Постникова Номоканона говорится, что исповѣдь—обязанность монаховъ, а не іерархіи (*Morini*, Comment. de disc. poenitentiae, Прилож. стр. 91—92). У *Симеона Нового Богослова* тоже „духовный мужъ“ или „мужъ святой и духовный“ употребляется параллельно „духовному отцу“, но подъ „отцами духовными“ онъ разумѣетъ, какъ іерархію, такъ и монаховъ (Слова *Симеона Н. Б.*, пер. еп. Θεοφάνη Ι, 97—118). У *Іоанна Кипрскаго* также означаетъ духовника и употребляется параллельно *π. πατήρ* (См. *Павлова*, Номоканонъ при больш. треби., нов. изд. 338—339; *Алмазова*, Тайная исповѣдь. II, 348). У *Пахимера* нашъ терминъ употребляется въ приложеніи къ одному игумену, духовнику императора (*Дю-Канжа* подъ рубр. *πνευματικός πατήρ Ι*, 1186—87 coll.) Въ посланіи *Симона, еписк. Владимірскаго* „духовнымъ мужемъ“ названъ пресвитерь Оисифоръ, имѣвшій духовнаго сына черноризца, т. е. вѣроятно названъ онъ, какъ духовникъ, который въ тоже время „прозорливаго дара сподобился отъ Бога“ (*Яковлевъ*, Памятники рус. литер. XII и XIII в., 91). У *Григоры* словами *π. ἀν.* называется также духовникъ-монахъ, „молчальникъ, мужъ святой жизни“ (*Дю-Канжа*, Appendix—*πνευματικός*, р. 155). Такимъ образомъ, начиная съ Анастасія Синаита терминъ „духовный мужъ“ неизмѣнно употребляется въ примѣненіи къ духовнымъ отцамъ, принимающимъ исповѣдь, безъ различія—іерархическаго сана они, или простые монахи, и отмѣчаетъ главнымъ образомъ ихъ высшія благодатныя полномочія.

цаютъ крещеніе и другія священнодѣйствія,—соображеніе, изъ котораго можетъ слѣдовать, что Анастасій отождествляетъ духовныхъ мужей съ лицами іерархическаго сана—совершителями таинствъ. Однако легко устранивъ это затрудненіе. Противники исповѣди говорили, что посредство людей при отпущеніи грѣховъ Богомъ излишне, ибо Богъ отпускаетъ ихъ непосредственно. Анастасій на это указываетъ, что и іерархія, совершающая таинства, то же люди—посредники между Богомъ и вѣрующими. Отрицатели исповѣди не признаютъ нужды въ лицахъ ее принимающихъ, между тѣмъ они не отрицаютъ необходимости этихъ богоустановленныхъ посредниковъ при совершеніи таинствъ. Здѣсь вѣроятно нѣтъ отождествленія „духовныхъ мужей“ и лицъ іерархическаго сана, а есть только аналогія.

Какихъ же отрицателей исповѣди имѣлъ въ виду Анастасій Синаитъ? Можетъ быть послѣдователей древнихъ новаціанъ, отрицавшихъ прощеніе грѣховъ чрезъ посредство людей, которые сами грѣшны. Одинаково отрицательно относились они ко всякой исповѣди, какъ къ исповѣди предъ священниками, такъ и предъ старцами. Въ статьѣ о покаяніи, написанной именемъ Григорія Богослова, неизвѣстный авторъ приводитъ примѣръ благоразумнаго разбойника и продолжаетъ: „что скажутъ на это „чистые“ которые на самомъ дѣлѣ грязнѣе всѣхъ нечистыхъ и всякой нечистоты, говорящіе своими суетными устами: „я имѣю исповѣдаться такому-то пресвитеру или такому-то монаху,— и какимъ же образомъ онъ, будучи человекомъ, можетъ изгладить (*ἐξαιλέσει*) мои грѣхи?“¹⁾ А мо-

¹⁾ Проф. Суворовъ, Къ вопросу о тайной исповѣди, 101—102; ср. стр. 88 изъ анонимной статьи объ исповѣди „что не должно осуждать іерея справедливо или несправедливо“.. „Если Богъ ничего не содѣлываетъ чрезъ него (недостойнаго священника) то ты ни крещенія не имѣешь, ни въ таинствахъ не участвуешь, ни благословеннаго хлѣба, ни отпущенія грѣха не получишь“. У Никона Черногорца о „чистыхъ“ говорится: „покаянія по крещенію не приѣмлютъ“, (ibid. 643 об.—644). Феодоръ Студитъ, повидимому имѣлъ въ виду принципиальныхъ противниковъ исповѣди, когда говорилъ въ одномъ поученіи братіи: „хотя я и грѣшекъ, но все открываемое мнѣ есть свѣтъ. А тотъ, кто ходитъ во тьмѣ неисповѣданія, такъ какъ не знаетъ, гдѣ идетъ, падаетъ въ пропасть; онъ думаетъ—благоугождаетъ Богу, а на самомъ дѣлѣ прогнѣваетъ Его, сдѣлавшись причиною соблазна и для другихъ“. Огл. поуч. и завѣщаніе, изд. Оптиной пустыни. М. 1872. 47.

жесть быть преп. Анастасій разумѣлъ мессалианъ, которые считали покаяніе излишнимъ. Іоаннъ Дамаскинъ пишетъ объ нихъ: „всѣхъ приходящихъ къ нимъ грѣшниковъ, безъ всякаго плода покаянія, безъ посредства священнической власти, безъ соблюденія установленныхъ въ церковныхъ правилахъ степеней покаянія, тотчасъ объявляютъ чистыми отъ всякаго грѣха“¹⁾.

На вопросъ: „хорошо ли исповѣдывать грѣхи свои духовнымъ мужамъ“, Анастасій отвѣчаетъ утвердительно и съ рѣшительнымъ одобреніемъ: „хорошо и весьма полезно“... Онъ является такимъ образомъ ревностнымъ сторонникомъ покаянной практики монаховъ въ мірской средѣ, авторитетомъ, поддерживавшимъ на Востокѣ церковно-бытовое явленіе исповѣди мірскихъ вѣрующихъ предъ старцами. Но дальнѣйшія слова подвижника содержатъ предостереженіе, а вмѣстѣ и наставленіе мірянамъ о выборѣ себѣ подходящаго для исповѣди духовнаго мужа. Среди людей, именующихъ себя „духовными мужами“ и признаваемыхъ таковыми со стороны, было много неискусныхъ, грубыхъ, совсѣмъ не духовныхъ, которые относились къ людямъ, приносившимъ имъ исповѣдь, то съ излишней снисходительностью, то съ ненужной суровостью и вмѣсто пользы только вредили имъ²⁾. Недостатки, встрѣчавшіеся у древнихъ монастырскихъ старцевъ, уже были указаны нами ранѣе, обратная сторона ихъ пастырства также³⁾ и теперь можно видѣть, что отмѣченныя Анастасіемъ Синаитомъ отрицательныя черты „духовныхъ мужей“ совпадаютъ съ недостатками старцевъ. (—Лишнее доказательство въ пользу тождества тѣхъ и другихъ).

¹⁾ *Migne*, P. G. XCV, 282: τοὺς ἁμαρτάνοντας καὶ αὐτοῖς προσόντας, ἄνευ κληροῦ τινος μετανοίας, ἄνευ ἱερέως αὐθεντίας, ἄνευ ζαδριῶν τῶν τοῖς καθότι τοῖς ἐκκλησιαστικοῖς διαγορευμένων, τάχιστα καθάειρον παντὸς ἁμαρτήματος ἐπαγγέλλοντα“. Ср. *Пандекты* Никона Черногорца, Слово 52, л. 645 об. То же самое повторяется въ сочиненіи Дамаскина о ересяхъ (*Migne*, P. G. XCIV, 733), у *Никона Черног.* о мессалианахъ говорится: „кромя преданныхъ намъ заповѣдей въ божественныхъ писаніяхъ прощаютъ грѣхи и самому священству безъ церковныхъ уставовъ дерзаютъ прикасаться“ (*Пандекты*, сл. 52, л. 642 об.).

²⁾ Очевидно подвижникъ не признавалъ за этими мнимо духовными мужами богодарованной власти вязать и рѣшить, самую же исповѣдь предъ ними считалъ бесполезной. По крайней мѣрѣ такъ рассуждали въ послѣдующее время.

³⁾ См. *В. В.* 1904, дек. 714—716; 1905 г. апр. 760.

Если бы дѣло ограничивалось только тѣмъ, что міряне— и простые и клирики приходили къ старцу, исповѣдывали ему грѣхи и за тѣмъ снова уходили, то въ такомъ случаѣ старчество не имѣло бы большого значенія въ мірской средѣ и самая исповѣдь мірянъ предъ старцами носила бы характеръ случайный. Однако дѣло не могло ограничиваться этимъ. Мірянинъ, пришедшій къ старцу съ тяжкимъ грѣхомъ (а съ такими грѣхами, какъ видно изъ приведенныхъ извѣстій, и ходили чаще міряне къ старцамъ), такой мірянинъ получалъ епитимію, которую долженъ былъ добросовѣстно исполнить, чтобы заслужить разрѣшеніе отъ грѣха. А за тѣмъ, какъ исполнялъ онъ ее, долженъ былъ наблюдать тотъ же старецъ, наблюдать для того, чтобы, видя плоды покаянія, разрѣшить согрѣшившаго или не разрѣшить его. Если грѣшникъ оставался въ монастырѣ временно на срокъ покаянія, или навсегда, принявъ „образъ покаянія“—монашество, то руководство старца не выходило за границы обители и подчиненныхъ ей учреждений. Но вѣроятно бывали случаи, когда мірянинъ проходилъ покаяніе дома, въ такомъ случаѣ приходилось наблюдать за нимъ и тамъ. Тогда уже старецъ являлся *несомнѣнно пастыремъ мірянъ и въ мірской средѣ, за стѣнами своей обители*. Преп. Ѳеодоръ Студитъ былъ пастыремъ тѣхъ мірянъ, на которыхъ наложилъ епитимію и которыхъ разрѣшилъ предъ смертью. Разъ покаявшійся старцу и разрѣшенный имъ мірянинъ при каждомъ новомъ тяжкомъ паденіи вѣроятно шель къ тому же старцу, потому что въ такомъ видѣ складывались отношенія старца и послушниковъ въ самомъ монастырѣ. Такимъ образомъ было неизбѣжно, вслѣдствіе характера монастырскаго покаянія, чтобы между посѣтителями монастырей, нашедшими себѣ здѣсь руководителей, которымъ они повѣдали свои грѣхи и отъ которыхъ получили правило покаянія, и между этими самыми руководителями—старцами устанавливалась связь болѣе или менѣе прочная и продолжительная. Но уже мы знаемъ, какой характеръ имѣло въ самомъ монастырѣ старческое пастырство: это была неограниченная власть старца надъ безвольнымъ послушникомъ, духовнаго отца надъ духовнымъ сыномъ. Въ эту готовую форму отношеній и долженъ былъ отлиться союзъ между старцемъ, принявшимъ исповѣдь мірянина, и міряниномъ, руководи-

мымъ старцемъ въ прохожденіи покаянія, хотя конечно съ значительными отступленіями и ограниченіями, такъ какъ примѣненіе старческаго пастырства въ чистомъ видѣ невозможно въ мірской средѣ. Такъ вѣроятно главнымъ образомъ для исповѣди и руководительства въ прохожденіи покаянія мірскіе люди подобно инокамъ начинаютъ выбирать себѣ духовныхъ отцевъ, старцевъ и принимать на себя часть послушническихъ, духовно-сыновнихъ обязанностей, совмѣстимыхъ съ мірскимъ ихъ бытомъ. Съ своей стороны старцы вѣроятно зачисляли въ число послушниковъ своихъ мірскихъ покаяльниковъ, требуя отъ нихъ степени подчиненія и близости, возможной для мірскаго состоянія. Старцы руководители являются духовными отцами мірянъ, если можно такъ выразиться, исправляющими должность духовниковъ мірянъ.

Но нѣтъ сомнѣнія, что и помимо исповѣди и покаянія между старцами и мірянами устанавливался прочный духовный союзъ, что идея монашескаго пастырства въ мірской средѣ на Востокѣ понималась шире, чѣмъ сфера покаяннаго руководительства. Факты, которые приведемъ мы ниже, подтверждаютъ это. Можно догадываться, что иногда связь мірянина и старца и начиналась выборомъ послѣдняго первымъ въ духовные отцы, а ужъ всякое руководство, включая сюда и исповѣдь съ покаяніемъ, слѣдовало отсюда.

Понимаясь довольно широко, монашеское пастырство конечно имѣло и разныя формы. Напримѣръ, выражалось оно въ бесѣдахъ съ народной толпой подъ открытымъ небомъ ¹⁾ и въ одиночку по кельямъ ²⁾. Бесѣды эти касались общихъ принциповъ христіанской нравственности, переходя въ обличеніе мірской неправды, или же являлись интимными личными совѣтами частному посѣтителю кельи. Здѣсь завязывались личныя отношенія мірянина и старца, какъ ученика

¹⁾ Напримѣръ, объ Афраатѣ бл. Теодоритъ пишетъ: „Случалось видѣть, что къ нему сходились и облеченные властью и достоинствомъ и состоящіе въ какомъ-л. воинскомъ чинѣ, и живущіе трудами рукъ своихъ, вообще и простые и воины, образованные и незнакомые съ наукою, живущіе въ бѣдности и обилующіе богатствомъ. Одни слушали предлагаемое молча, другіе возражали, предлагали вопросы и продолжали рѣчь“. *Migne* P. G. LXXXII, 1368; p. п. 96.

²⁾ *Apophthegmata*, *Migne*, P. G. LXV, 433 fin.; p. п. 396. *Λιτιών* (*Лугъ Духовный*) Іоанна Мосха гл. 116, *Migne* P. G. LXXXVII, 2980 fin.; p. п. 141.

и учителя, руководимаго и руководителя. Ниль Синайскій пишетъ одному сенатору: „Многіе изъ вельможъ и люди всякаго чина въ мірѣ, или добровольно или противъ воли, по какому-нибудь обстоятельству прибѣгають къ смиреннымъ монахамъ, избавляются отъ смертоносныхъ опасностей и улучаютъ спасеніе и временное и вѣчное“. Одному знатному чиновнику, притѣснявшему своими приказами жившихъ по близости аскетовъ, онъ пишетъ: „другіе съ радостію и усердіемъ скорѣе пріемлютъ отъ монаховъ приказанія, нежели сами дають ихъ“¹⁾. У самого преподобнаго Нила бывали такіе внимательные почитатели изъ мірянъ. Въ своемъ письмѣ „предсѣдателю Домнину младшему“ онъ описываетъ плотскую брань; назвавъ Домнина „доблестнымъ сыномъ своимъ“ и „чадомъ“, подвижникъ хвалитъ его усердіе къ чтенію церковныхъ книгъ и смиренномудріе: „что, при всестороннемъ образованіи и по изученіи мудрованій, не стыдишься слушаться монаховъ, часто и поселянъ и отъ нихъ охотно пріемлешь напутствіе къ душевному спасенію... Заканчиваешь онъ свое письмо приглашеніемъ: „если найдешь досужное время, то приходи ко мнѣ, тогда лично опишу тебѣ въ большей полнотѣ все, что бываетъ въ блудныхъ браняхъ“²⁾. Примѣръ духовнаго руководства монаха по отношенію къ мірянину можетъ представлять преп. Евемій Великій, котораго выбрала своимъ руководителемъ императрица Евдокія, обращенная подвижникомъ изъ монофизитства³⁾. Мы не въ правѣ называть этихъ иноковъ—пастырей духовными отцами мірянъ, но указать, что они близко походятъ на послѣднихъ, вполне можемъ.

Однако встрѣчаются извѣстія, показывающія, что между монахами и мірянами устанавливались порою отношенія, какъ между старцемъ и ученикомъ. Извѣстія эти къ сожалѣнію скудны и не позволяютъ разсмотрѣть бытовья нормы этихъ нравственныхъ отношеній, тѣмъ не менѣе они любопытны и важны, потому что констатируютъ фактъ не простаго учительства, а духовно-отеческаго пастырства древнихъ монаховъ въ мірской средѣ. Савва Освященный, благо-

1) *Migne P. G.* LXXIX, 81, 184—185; *Epist.* I, 1, 279; p. II, 257, 379—380.

2) *Migne ibid.* 408—414; *Epist.* III, 43; p. II, 233—238.

3) *Арх. Θεοδοσίη*, Палестинское монашество, 69—70.

словляя разъ отрока, сказалъ его отцу: „сей отрокъ отнынѣ будетъ моимъ ученикомъ и сыномъ пустынныхъ отцовъ“. И изъ этого отрока впослѣдствіе вышелъ знаменитый агіографъ Кириллъ Скиѳопольскій, подвижникъ Великой Лавры. Конечно, здѣсь скорѣе предызбраніе въ иноки своей обители, чѣмъ принятіе мірянина въ духовное сыновство, однако важно то широкое представленіе о своей учительской и пастырской компетенціи, какое имѣлъ великій подвижникъ: она очевидно простиралась и на мірянъ, по крайней мѣрѣ на будущихъ монаховъ его монастыря. Предызбравъ такимъ образомъ Кирилла, своего будущаго жизнеописателя, преподобный Савва поручаетъ его до поры до времени митрополиту Скиѳопольскому: „великій господинъ!—обращается подвижникъ къ митрополиту, сего отрока я препоручаю тебѣ, обрати на него вниманіе, потому что онъ нуженъ мнѣ“. Въ другой разъ, увидѣвъ Кирилла съ родителями, преподобный сказалъ: „вотъ ученикъ мой Кириллъ“. Отрокъ поклонился ему по монашески въ ноги, а подвижникъ благословивъ поднялъ его и сказалъ отцу: „научи его псалтири, потому что онъ нуженъ мнѣ, ибо отнынѣ онъ будетъ моимъ ученикомъ“ ¹⁾. Изъ всѣхъ этихъ подробностей видно, что въ словахъ преп. Саввы нужно видѣть больше, чѣмъ простое предсказаніе о монашествѣ отрока въ своей обители. Это дѣйствительное избраніе въ послушники съ обнаруженіемъ извѣстной власти относительно избраннаго: подвижникъ препоручаетъ отрока мѣстному митрополиту, а отцу его указываетъ, чему нужно учить будущаго инока. Избранный въ ученики отрокъ ведетъ уже себя какъ послушникъ.

Любопытны отношенія между преп. Іоанномъ Мосхемъ, авторомъ „Луга Духовнаго“ († 619) и софистомъ Софроніемъ, бывшимъ потомъ патріархомъ Іерусалимскимъ (съ 634 по 638 или 644). Въ сочиненіи о чудесахъ святыхъ Кира и Іоанна, которое Софроній писалъ уже монахомъ, онъ называетъ Мосха „духовнымъ отцемъ и учителемъ“ (*πνευματικὸς πατήρ καὶ διδάσκαλος*). Съ своей стороны Іоаннъ Мосхъ въ посвященіи Софронію своего „Луга“ называетъ его „чадо“, „благодатное и вѣрное чадо“ (*τέκνον, ἱερὸν καὶ πιστόν τέκνον*) ²⁾. Ясно, что

¹⁾ Житіе преп. Саввы Освящ. гл. 75, изд. Общ. Люб. Др. П. подъ ред. Помяловскаго, стр. 434—437; ср. *Пал. Пат.* вып. 1, 119.

²⁾ *Migne P. G.* LXXXVII, 3668, 2852.

Іоаннъ былъ духовнымъ отцемъ Софронія, послѣдній его духовнымъ сыномъ. Но такія отношенія между ними установились гораздо раньше постриженія Софронія, — въ то время, когда послѣдній былъ еще свѣтскимъ челоуѣкомъ. Придя изъ Дамаска, своего родного города, въ палестинскую киновію преп. Θεοδοσία, Софроній познакомился тамъ съ Іоанномъ Мосхомъ—инокомъ названной киновіи. Мосхъ сдѣлался другомъ, учителемъ и руководителемъ Софронія. Оба вмѣстѣ они совершили продолжительныя и многочисленныя странствованія по обителямъ палестинскимъ, антиохійскимъ и египетскимъ и изучали высокіе образцы подвижничества, которые были описаны Мосхомъ въ его Лимонарѣ. Начало странствованій относятъ къ 579 г. Своего ученика, который странствовалъ въ мірской одеждѣ, въ мантии философа, Іоаннъ называетъ то господиномъ, то софистомъ, то просто другомъ. Софроній называетъ своего учителя аввой. Въ монашество постриженъ онъ былъ рукою Іоанна Мосха въ Александріи, куда друзья прибыли около 907 г. Значитъ по крайней мѣрѣ около 30 лѣтъ монахъ и мірянинъ, какъ духовный отецъ и духовный сынъ неразлучно ходили по обителямъ востока. И не разлучались они до самой смерти блаженнаго Іоанна въ Римѣ ¹⁾.

Въ иконоборческую эпоху можно замѣтить сильное развитіе пастырской власти монаховъ среди мірянъ и, надо думать, монахи эти дѣйствовали въ качествѣ духовныхъ отцевъ ихъ. Жизнеописатель Θεοδора Студита рассказываетъ, что „жившіе въ странахъ области Херсонской и Воспорской епископы, пресвитеры, равно какъ и благочестивѣйшіе изъ монаховъ“ ²⁾, услышавъ о протестѣ преп. Θεοδора (а также его дяди- и духовнаго отца игумена Платона) противъ незаконной женитьбы императора Константина VI (780—797), „перестали принимать дары, приносимые церквамъ Божиимъ отъ тѣхъ, которые совершали одинаковыя дѣла съ младшимъ Константиномъ, отлучали ихъ отъ священныхъ и пре-

¹⁾ *Гр. Галинъ*, Св. Софроній, патр. Іерусалимскій, Кіевъ, 1853, 4—8. *К. Поповичъ*, Патр. іер. Софроній, какъ богословъ, проповѣдникъ и пѣснописецъ. Кіевъ 1890, 6—9. *П. Сладковъ* и др., Палестинскія обители, вып. 2, 155—162.

²⁾ *Ἐπίσκοποι καὶ πρεσβύτεροι, πρὸς δὲ καὶ τῶν μοναχῶν οἱ Θεοφιλέστεροι.*—*вар. ἰεροὶς καὶ μονάζοντες.*

чистыхъ Таинъ Христовыхъ“ ¹⁾). Итакъ благочестивые монахи конца VIII в. отлучаютъ отъ св. Таинъ мужей, произвольно расторгнувшихъ брачный союзъ и взявшихъ себѣ новыхъ женъ, какъ это сдѣлалъ императоръ. Изъ дальнѣйшаго разсказа житія видно, что монахи эти, жившіе по обителямъ, подверглись гоненію, какъ и епископы съ пресвитерами, и были изгоняемы изъ монастырей. Очевидно это были обыкновенные монастырскіе старцы, официально не имѣвшіе ничего общаго съ вопросами брачнаго права: откуда же ихъ власть надъ мірянами? откуда ихъ право отлучать отъ св. Таинъ неисправимыхъ браконарушителей? Намъ кажется, самое естественное видѣть въ этихъ монахахъ духовныхъ отцевъ, дѣйствовавшихъ въ данномъ случаѣ своею старческою властью на своихъ дѣтей духовныхъ изъ мірянъ. А если это такъ, то приведенное свидѣтельство, касающееся притомъ монаховъ заходустныхъ и полуварварскихъ провинцій, говоритъ многое. Изъ него выходитъ, что духовные отцы мірянъ изъ монаховъ въ это время были не исключительными и единичными лицами, что это было явленіемъ обычнымъ, распространеннымъ ²⁾).

Исповѣдь мірянъ предъ старцами и духовно-отеческое руководительство послѣднихъ въ мірской средѣ—это два основныхъ элемента, изъ которыхъ сложился впоследствии, по нашему мнѣнію, церковный институтъ духовнаго отца. Но *оба эти явленія на первый взглядъ странны и требуютъ своего объясненія. Зачѣмъ мірянамъ нужно было ходить въ монастыри и къ отшельникамъ въ пустыню для исповѣди и покаянія, когда и то и другое существовало въ церкви?* За-

¹⁾ ...ἀφορίζουσι δ' αὐτοὺς καὶ τῶν σελτῶν καὶ ἀχράντων τοῦ Χριστοῦ μυστηρίων, *Житіе преп. Θεοδора Студита*, *Migne P. G.* XCIX, 253, сн. 140; р. п. Творенія, Спб. 1867, I, 26.

²⁾ Въ *житіи Іоанна Дамаскина*, какъ оно читается въ Минеяхъ Четивхъ Димитрія Ростовскаго, разсказывается, что когда Мансоръ, отецъ Дамаскина передавалъ своихъ дѣтей—родного Іоанна и пріемнаго Косму выкупленному изъ арабскаго плѣна иноку Космъ для обученія наукамъ, благочестію и добрымъ правамъ, онъ сказалъ: „створи ихъ тебѣ сыны духовны“ (Дек. 4 день). Но это чтеніе не оправдывается ни греческими текстами житій Іоанна Дамаскина (*AA. SS. Maji II, App. pp. 2 сн. 14—15. Пападопуло-Керамевсъ, Ἀναλήκτα Γεωβόληντικῆς σταχυολογίας τ. IV, 312 сн. 273*), ни извѣстными намъ древне-славянскими переводами ихъ по рукописямъ бібліотеки Московской дух. Академіи.

чѣмъ нужно имъ было выбирать себѣ духовныхъ руководителей среди иноковъ, когда въ церкви естественными руководителями вѣрующихъ были лица іерархическія?

Можно бы легко объяснить явленіе, указавъ, что іерархія въ періодъ вселенскихъ соборовъ сильно пала нравственно, а монашество наоборотъ цвѣло,—духовенство было плохо, монашество же хорошо. Но это едва ли справедливо и едва ли достаточно для объясненія. Трудно рѣшить, что было лучше, или что было хуже въ то время: монашество или духовенство. Проф. А. П. Лебедевъ въ своей новой книгѣ „Духовенство древней вселенской церкви (отъ временъ апостольскихъ до IX вѣка)“ пришелъ къ выводу, что древнее духовенство стояло въ нравственномъ отношеніи да и въ другихъ (религіозномъ, умственномъ и пр.) на низкомъ уровнѣ, такъ что современное наше духовенство „намного выше (его) во всѣхъ отношеніяхъ“¹⁾. Но вѣдь и монашество древнее не было чуждо крупныхъ недостатковъ. Многочисленныя житія преподобныхъ и патерики изображаютъ дивныя, прямо сверхчеловѣческіе подвиги иноковъ, однако великіе, истинные подвижники все-таки были исключеніями, нисколько не похожими на рядовую массу монашества, подобно тому какъ и среди іерархіи бывали величайшей нравственной силы люди вродѣ Златоуста и Іоанна Милостиваго, одиноко стоящіе среди своихъ недостойныхъ собратьевъ. Достаточно прочесть творенія преп. Нила Синайскаго, особенно его „Подвижническое слово“, чтобы видѣть поразительную распущенность и порочность древняго монашества, не меньшія, чѣмъ теперь у насъ. А изъ послѣдующаго періода еще болѣе мрачную картину монашескихъ нравовъ рисуетъ Евстафій митр. Фессалоникійскій (съ 1174 до 1192—34 гг.) въ своихъ сочиненіяхъ: „О монашествѣ въ отношеніи къ его исправленію“ (*Εὐσταθίου βίου μοναχικοῦ ἐπὶ διορθώσει τῶν περὶ αὐτὸν*) и „О лицемѣрїи“ (*Περὶ ὑποκρισεως*). Онъ прямо говоритъ, что въ его время „на немногихъ монаховъ истинныхъ приходилась многія тысячи монаховъ мнимыхъ“²⁾. Итакъ зная, что

¹⁾ Спб. 1905 г. X т. его „Церковно-Историческихъ сочиненій“, 346—390, особ. 375, 454 стр.

²⁾ См. *И. Соколова*, Состояніе монашества въ византійской церкви съ полов. IX до нач. XIII в., 472 сл. *Е. Голубинскаго*, Исторія, I, 2, 2-е изд., 658 слѣд.

какъ древнее духовенство, такъ и монашество въ массѣ своей было низко, невозможно учесть, которое и насколько было выше другого, тѣмъ болѣе нельзя дѣлать какіе—нибудь выводы изъ сравненія нравовъ клира и монашества.

Но несомнѣнно *монашество было популярнѣе духовенства*, по крайней мѣрѣ въ началѣ и чѣмъ же инымъ, какъ не популярностью его можно прежде всего объяснить быстрое распространеніе этого церковнаго института по всѣмъ странамъ христіанскаго міра?! Причина же самой популярности лежала въ *харизматизмѣ монаховъ*: въ чудесахъ, исцѣленіяхъ, пророчествахъ подвижниковъ. Молва объ этихъ явленіяхъ „духа и силы“ быстро распространялась среди вѣрующихъ и собирала къ кельѣ, къ пещерѣ, или къ столпу подвижника многочисленныя толпы народа обоого пола, всѣхъ классовъ общества, клириковъ и мірянъ, больныхъ и здоровыхъ. „Сходились (къ преп. Иларіону Великому, отцу палестинскаго монашества, † 371 или 372) епископы, пресвитеры, цѣлыя толпы клириковъ, монаховъ и благородныхъ христіанскихъ женщинъ (великое испытаніе!) и не только отовсюду изъ городовъ и деревень простой народъ, но и люди сильные и судьи, чтобы получить отъ него благословенный хлѣбъ и елей“ (на исцѣленіе отъ болѣзней) ¹⁾. У преп. Іакова, который подвизался въ Сиріи подъ открытымъ небомъ, стояла цѣлый день толпа народа, такъ что подвижникъ не могъ удовлетворять естественнымъ потребностямъ тѣла ²⁾. До какой степени чудеса и исцѣленія, совершавшіяся подвижниками прославляли ихъ среди мірскихъ вѣрующихъ, это можно видѣть изъ древнихъ житій подвижниковъ. Во время бездождія и засухи жители Палестины пришли въ лавру преп. Евеміа большой толпой и умоляли его испросить у Бога дождя. Преподобный исполнилъ просьбу народа, молился съ иноками въ храмѣ, когда народъ молился стоя за монастыремъ, и тотчасъ же пошелъ дождь.—Другой подвижникъ, св. Теогніѣ сотворилъ чудо—исцѣлилъ больную глазами женщину, которая отерла

¹⁾ *Житіе преп. Иларіона*, напис. бл. Іеронимомъ, *Migne P. L. XXIII, 43—44*; р. п. IV, 33; также *Пал. Пат.* вып. 4, 25.

²⁾ *Бл. Феодорита*, *Исторія Боголюбцевъ*, гл. 21. *Migne P. G. LXXXII, 1433*; р. п. 164.

ихъ о чело старца. „Множество людей были поражены необычайностью чуда и воскликнули: „слава Тебѣ, Господи, творящему чудеса!“ И такое количество людей обступило его и цѣловало всѣ члены праведника отъ головы до ногъ, что они скоро задушили бы его, если бы онъ, ободрившись, не снялъ съ себя наскоро омофоръ и не оставилъ его въ толпѣ, а самъ вскочилъ въ діаконикъ одного мартирія и избавился отъ толпы“ ¹⁾. Здѣсь мы видимъ яркую картину толпы, жаждущей чуда отъ богоноснаго старца.—Вѣрующіе миряне старались имѣть при себѣ этихъ „людей Божіихъ“, цѣлителей болѣзней, помощниковъ и заступниковъ въ скорбяхъ и бѣдахъ. Бл. Теодоритъ рассказываетъ такое происшествіе съ преп. Саламаномъ—молчальникомъ. Онъ поселился въ уединенной кельѣ близъ селенія, чрезъ рѣку отъ своего роднаго села. Жители послѣдняго пришли разъ ночью, разрушили келью, взяли молчальника съ собою и перенесли въ свое селеніе, гдѣ построили ему хижину. Саламанъ не показаль ни согласія, ни сопротивленія. Но черезъ нѣсколько времени жители противолежащаго села сдѣлали тоже самое и водворили попрежнему безмольнаго подвижника на старое мѣсто его подвиговъ.—Когда преп. Іаковъ тяжело заболѣлъ и казался умершимъ, явилась опасность, что сторонніе люди завладѣютъ его тѣломъ. Тогда жители ближайшаго города явились съ оружіемъ и старались прогнать стороннихъ. Больного подвижника положили на одръ и понесли въ городъ, чего онъ совершенно не чувствовалъ, „не чувствовалъ онъ даже и того, какъ поселяне вырывали его волосы“, очевидно какъ святыню, какъ частицы мощей ²⁾. Приведенные факты показываютъ, что харизматическія явленія прославляли подвижниковъ и самый институтъ, къ которому они принадлежали:—монашество, стало почитаться званіемъ, имѣющимъ монополию чудотвореній ³⁾, иноки при-

¹⁾ *Сладкопѣвецъ*, Палест. Обит. II, стр. 32. *Житіе св. Теоогія* по греч. съ рук. пер. *Прав. Палест. Сборн.* вып. 32, стр. 9 и 36.

²⁾ Бл. *Теодорита* *ibid.* гл. 19 и 21, *Міре*, col. 1428—1429, 1436; р. II, 155, 166.

³⁾ Въ письмѣ къ игумену Драковтію, отказавшемуся отъ епископства. св. Аванасій пишетъ между прочимъ: „знаемъ и епископовъ постыщихся и монаховъ ядущихъ; знаемъ и епископовъ не піющихъ вина и монаховъ піющихъ; знаемъ и епископовъ, творящихъ знаменія и монаховъ

ближенными къ Богу левитами ¹⁾).

Между почитаніемъ міряними подвижниковъ, какъ чудотворцевъ, людей Божіихъ и носителей Духа, и исповѣдью мірянъ у старцевъ вѣроятно существовала тѣсная связь и прямая зависимость. Потому и шель мірянинъ къ извѣстному старцу, что имѣлъ къ нему вѣру, считалъ его богоноснымъ. харизматикомъ и исповѣдался ему, какъ обладателю дарованій — различенія духовъ, прозорливости и дара вязать и рѣшить, или по крайней мѣрѣ предполагаемому ихъ обладателю. Документальнаго подтвержденія въ пользу того, что среди древнихъ христіанъ такое представленіе о старцахъ, принимавшихъ исповѣдь существовало, мы не знаемъ, но это слѣдуетъ предполагать изъ того, что именно такъ смотрѣли на нихъ въ монастыряхъ, и изъ того еще, что по разсмотрѣнному выше свидѣтельству Анастасія Синаита такое же значеніе акта харизматическаго придавалось монахами и исповѣди мірянъ у старцевъ—„мужей духовныхъ“.

Другое обстоятельство, привлекавшее мірянъ къ старческой исповѣди—*особенности этой послѣдней*. Монастырская исповѣдь, какъ мы видѣли, была совершенно выработаннымъ институтомъ въ монашеской средѣ. Можно сомнѣваться, чтобы всѣ почитаемые старцы обладали духовными дарованіями, нужными для исповѣди, а относительно права вязать и рѣшить даже должно усомниться, но то безспорно, что *совершители исповѣди*, по крайней мѣрѣ, лучшие изъ нихъ были люди *огромнаго духовнаго опыта*. Исполненіе предписаннаго „внимай себѣ“—т. е. постоянное самонаблюденіе, это внутрь-смотрѣніе, а также наблюденіе надъ другими совѣстями и душами, открытыми монастырскому старцу до малѣйшаго помысла,—дѣлали его тонкимъ психологомъ, превосходно проникавшимъ въ глубокіе тайники человѣческаго сердца, изъ котораго исходятъ помышленія злыя, въ потемки чужой души. Для мірскаго человѣка, постоянно

не творящихъ“. *Творенія св. Анастасія*; р. п. II, 10. Очевидно постъ, воздержаніе отъ вина и даръ чудесъ считались атрибутами монашескаго званія.

¹⁾ „Пишешь мнѣ, говоритъ преп. Нилъ Синайскій въ одномъ письмѣ, что иноки приближающіеся и прилѣпляющіеся къ Богу, суть левиты; и, уразумѣвъ это, сдѣлалъ ты великое приобрѣтеніе. *Migne P. G. LXXIX, 124*; р. п. II, 306.

разсѣвающагося явленіями внѣшними, не имѣющаго досуга собрать свои помыслы, прослѣдить свои страсти—ихъ зарождеііе, ростъ и силу, для такого человѣка быстрое пониманіе его душевнаго состоянія старцемъ, могло казаться поразительнымъ и сверхъестественнымъ, а полученное успокоеніе отъ совѣтовъ опытнаго духовнаго врача—прямо благодатнымъ, а это могло питать представленія о харизматизмѣ старцевъ. Признано, что монашество открываетъ новую эру въ исторіи нравственности; оно углубило христіанскую мораль, въ вопросахъ нравственности перенесло центръ тяжести съ внѣшняго дѣянія въ область внутреннихъ движеній, въ сферу чувствъ и мыслей. Аскетическая литература подробно и тонко разрабатываетъ психологію грѣха, его зарождеііе въ формѣ мимолетной мысли, его развитіе по мѣрѣ того, какъ отвлеченная мысль все болѣе и болѣе будитъ соответствующее чувство, его завершеііе въ актѣ рѣшимости воли. Подвижники жизненной задачей своей ставятъ систематическій трудъ надъ воспитаніемъ своихъ чувствъ. Важность этого перемѣщенія центра тяжести въ исторіи христіанской нравственности была громадна. „Оно углубило нравственность и сообщило ей серьезность и тонкость, которыми никогда не можетъ отличаться мораль дѣяній. Мало того, оно познакомило человѣка съ богатствомъ его собственной души, съ неумолкающей музыкой ея чувствъ и темными глубинами страстей“¹⁾... Изъ всего этого видно, что монашество создало новыя, повышенныя моральныя воззрѣнія и требованія сравнительно съ моралью тогдашней мірской церкви, что старцы, по крайней мѣрѣ настоящіе изъ нихъ, были носителями этихъ воззрѣній и требованій и болѣе приспособлены къ пастырству, чѣмъ рядовые церковные пастыри. Что же послѣ этого удивительнаго въ томъ, что міряне охотно выбираютъ монастырскихъ старцевъ личными руководителями, духовными отцами себѣ и имъ вѣряютъ тайны свои, минуя официальныхъ пастырей?

Въ частности *монастырская исповѣдь и покаяніе были болѣе удобны для мірянъ, чѣмъ исповѣдь и покаяніе, существовав-*

¹⁾ *И. В. Поповъ*, Мист. оправд. аскетизма въ сочиненіяхъ пр. Макарія Вел. *Б. В.* 1905 іюнь, 257—273; отд. отт. 81—96.

шія въ церкви. Старческая исповѣдь была тайной: и обставлена она была такъ, что ее слышалъ одинъ старецъ, и старецъ этотъ обязанъ былъ хранить про себя тайну выслушанной исповѣди. Въ институтѣ же частной церковной исповѣди въ эпоху вселенскихъ соборовъ не существовало правила, предписывавшаго обязательное соблюденіе ея тайны. Но понятно, если грѣшнику представлялась на выборъ исповѣдь строго и обязательно тайная, и другая, частная безъ гарантіи, что его грѣхи не будутъ извѣстны постороннимъ, онъ долженъ выбирать первую. Въ тайнѣ, какъ говорили мы выше, была вся привлекательность частной старческой исповѣди и главное условіе ея жизненности и процвѣтанія ¹⁾. Это говорилось о тайнѣ исповѣди, какъ условіи жизненности и процвѣтанія старческой исповѣди въ монастырѣ, но рѣшительно тоже самое можно сказать и въ приложеніи къ развитію старческой исповѣди среди мірянъ. Покаяніе монастырское, какъ замѣчалось въ своемъ мѣстѣ, было значительно легче церковнаго ²⁾ и въ этомъ была также привлекательная сторона старческаго покаянія.

На исповѣдь къ старцамъ являлись не одни міряне, но и клирики, по крайней мѣрѣ извѣстно это о мірскихъ пресвитерахъ. Отсюда можно заключить, что не антагонизмъ разныхъ церковныхъ классовъ (мірянъ и клира) создалъ такое явленіе, что многіе вѣрующіе, обходя своихъ законныхъ пастырей, добровольно исповѣдывались монахамъ и каждый для себя выбиралъ изъ нихъ пастыря, — не недостатокъ интимныхъ отношеній и близости между пастырями и паствою въ древней церкви ³⁾. Нѣтъ, изъ того обстоятельства, что сами же клирики не находили достаточныхъ средствъ и удобства принести покаяніе въ церкви, своему начальнику—епископу, или своимъ братьямъ священникамъ,—изъ этого слѣдуетъ, что въ официальной церкви, если можно такъ сказать, не хватало тайной исповѣди и покаянія, что покаянная дисциплина въ церкви организована была несравненно хуже, чѣмъ въ монастыряхъ. Въ под-

¹⁾ См. *Бог. В.* 1905, мартъ, 465.

²⁾ См. *Б. В.* апр. 737—738.

³⁾ На послѣднее обстоятельство указываетъ *К. Голь, Enthusiasmus...* S. 311.

твержденіе этого можно отмѣтить и то соображеніе: мы знаемъ примѣры исповѣди мірянъ и клириковъ предъ монахами, считаемъ это бытовымъ церковнымъ явленіемъ, но намъ неизвѣстно ни одного обратнаго случая—исповѣди и покаянія монаха предъ бѣлымъ священникомъ или предъ епископомъ. Но такіе факты навѣрно имѣли бы мѣсто, если бы церковная покаянная дисциплина была организована, такъ же строго и въ томъ же направленіи какъ и монастырская.

С. Смирновъ.
